

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

10 Avril 1935

LES COSAQUES LIBRES

VIIIe ANNÉE

10 АПРЕЛЯ 1935.

172

10 КВІТНЯ 1935.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-ой

РІК ВИДАННЯ 8-ий

С о д е р ж а н и е :

1. И. К. Скубани: "Первопутка".
2. Сергій Савицький: Кубань в огні.
3. Сергей Чепурной: Весна идет...
4. Неужели потеря?
5. Трагедия Казачества.
6. А. Ленивов: Кровавые события в Яицком Войске в 1772 году.
7. П. Л. Макаренко: Рецензия на книгу полк. ген. штаба проф. А. Зайцова.
8. Е. Булавин: Штрихи из казачьей жизни.
9. А. С. Тырин: Ответ "оппозиции".
10. Казачья эмиграция.
11. Думы и мысли

П о ч т о в ы й я щ и к

Германия. X. — На первый Ваш вопрос ответ найдете как раз в передовой статье прошлого номера журнала.

Да, "момент" сейчас более, чем интересный. Надо быть на чеку. Уступчивость Москвы, миролюбие Кремля, заискивания тов. Литвинова — все это свидетельствует о слабости Советов. — Ближайшие дни: конференция в Стреле и поездка французского министра в Москву и Варшаву, вероятно, окончательно выяснят обстановку и предопределят развитие международных отношений, а может быть и событий, в ближайшие годы.
— Привет!

Белград. Н. Д. — Получено. Исполнено. Привет.

Турция. И. М. Получено. Спасибо. Ответ — письмом.
Привет.

Прага. М-ов. — Исполнено. Привет.

Польша. М. К. — Очень краткий и остроумный "отчет" о переговорах о "Восточном пакте" во время недавней поездки английских министров в Берлин, Москву и Варшаву дала парижская газета "Пари Миди" 4 апреля:

... "Сэр Д. Саймон и Иден сказали Гитлеру: Мы, между прочим, приготовили отличный Восточный пакт. Вы можете к нему присоединиться. С своей стороны, мы к нему не присоединяемся". Гитлер ответил им, что границы Германии никогда не казались ему священными"... — Иден побывал в

Москве и говорил там о Восточном пакте. "Нам угрожает Германия, заявили Советы. Все, что способно защитить наши границы, приемлется нами с удовольствием. Мы ищем союзников"... — Иден переехал в Варшаву. "Вы слышали о Восточном пакте, сказал он маршалу Пилсудскому? Прекрасная вещь. Но мы его не подписываем". Маршал ответил: "Я тоже не собираюсь"...

Сараево. К. П. — Передано. Привет.

Румыния И. К. — Получено. Будет выслано. Всего наилучшего. Привет.

Крезо. М. Б. — Будут присланы. Привет.

Польша Ф. Ш. — Попробуем помочь. Привет.

Шишбрам. М. Г. — Все послано. Привет.

Валянс И. З. — Принято к сведению. Привет.

Шипка. Д. К. — Посылается. Привет.

Од. И. И. — Судя по советской прессе, очень даже недовольны. Хватит, напр., следующих двух отрывков из "Молота" от 28 марта: "...Германская сторона поставила первым и категорическим условием сокращения своих вооружений соответствующее в равной пропорции разоружение других стран и в первую очередь СССР"... Или: "...Гитлер заявил своим собеседникам (т. е. англичанам. Ред.), что, хотя, дескать, в его намерения не входит война против Советского Союза, однако, советская политика заставляет Германию сохранить за собой свободу действий в будущем"...

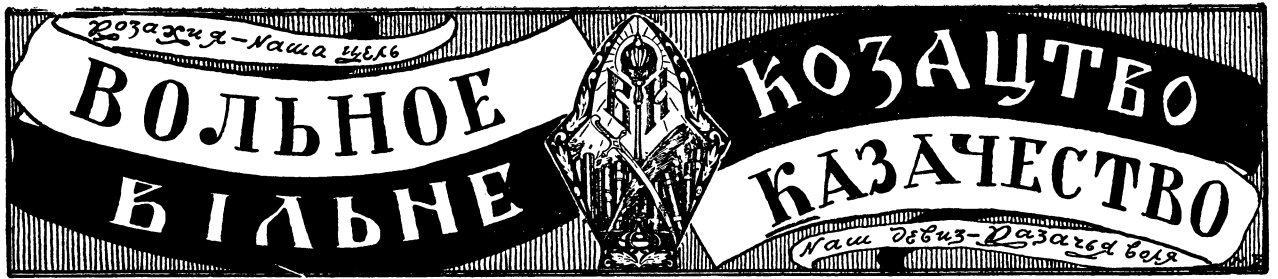
В Н И М А Н И Е !

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР ВЫХОДИТ С ОПОЗДАНИЕМ ПО СЛЕДУЮЩЕЙ ПРИЧИНЕ: 4 АПРЕЛЯ ВЛАДЕЛЕЦ ТИПОГРАФИИ, В КОТОРОЙ ПЕЧАТАЛСЯ НАШ ЖУРНАЛ, ЗАЯВИЛ, ЧТО ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ТИПОГРАФИЯ ЗАКРОЕТСЯ, НО НАШ ОЧЕРЕДНОЙ НОМЕР БУДЕТ ВЫПУЩЕН СВОЕВРЕМЕННО. 6 АПРЕЛЯ НОМЕР БЫЛ СВЕРСТАН И ПРИГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ. НО, 6 ЖЕ АПРЕЛЯ ТИПОГРАФИЯ ЗАКРЫЛАСЬ. НЕСМОТРЯ НА ВСЕ СТАРАНИЯ, НЕ УДАЛОСЬ СПАСТИ НАБОР И ЭКСТРЕННО ПРИШЛОСЬ ИСКАТЬ НОВУЮ ТИПОГРАФИЮ. 9 АПРЕЛЯ НАЧАТ НОВЫЙ НАБОР ТОГО ЖЕ НОМЕРА И ТОЛЬКО 13 АПРЕЛЯ МЫ СМОГЛИ ЗАКОНЧИТЬ ЕГО ПЕЧАТАНИЕ.

Г О Н О Р А Р Н Е П Л А Т И Т С Я

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 172

Среда 10 апреля 1935. — Среда 10 квітня 1935

№ 172

И. К. Скубани.

„ПЕРВОПУТКА“

Посвящая И. А. Билому

Ранним утром зимой, в первый выпавший снег,
Тяжело проезжать „первопуткой“, —
Кони вязнут, храпят, замедляя свой бег,
Даль окутана дымкою жуткой.
Но от первых саней остаются следы,
Следом тройка другая несется,
А чрез день или два после первой езды
Путь широкою лентою вьется.

.....
Ранним утром зимой, лишь погасла заря,
Черный рыцарь уехал из Праги, —
Мчится он на восток, мечь в душе затая,
Полный гнева и дерзкой отваги.
Облеченный в красивый кавказский наряд,
Он прекрасен игрою всех линий.
Над главой удальца стяг Свободы поднят
С лентой желто-малиново-синей.
Крепко сжавши святыню в могучей руке,
Едет он без сомнений и страха, —
Ветер встречный шалит на его башлыке
И заломлена лихо папаха.

Утопая в глубоких, понутных снегах,
Об'езжая сугробы и ямы,
Протоптав запорошенный вьюгою шлях,
К цели рвется наездник упрямый.
Будто сокол летит, не бояся преград,
Он в страну, где остались пенаты,
Где казацкую кровь льет давно сушостат,
Где душистые степи им смяты...
А за ним, по следам, не мятель поднялась —
Казачи это вместе собрались
И по миру всему песня их понеслась,
Звуки маршей походных раздались.
Шлях открыт: перед ними маячит вдали
Воли флаг с боевыми словами, —
Скоро всадник достигнет родимой Земли,
Скоро шашкой взмахнет над врагами.
Смело-ж, братья, за ним, по готовой стезе
Поспешите к нему на подмогу,
Приготовьтесь к близкой, последней грозе —
Все на вольноказацкую дорогу!..

Февраль. 1935.

Сергій Савицький.

Кубань в огні

Драма на 5 дій з живою картиною.

ДІЯ ІV

Канцелярія большевицького станишного совіту.

Зайда (входить з двома револьверами за поясом, роздивляється): Казав комисар прийти до канцелярії, а самого нема. Певно знову вислідив якогось пташка і хоче дати мені його пустити в „розход“. Двадцять трьох козаків вже застрілив оцією рукою, ще не хвата одного до двох дюжин. (Павза). А може арештованих козаків, що сидять зараз у холодні, треба буде відправити в штаб Духоніна? — бо шось довго вони тут засиділись. А їх буде мабуть чоловік з тридцять, — прийдеться вжити кулімета, а то й рука заболить стріляти...

Роман (входить, узброїний): Ти вже тут! Добре. Я дістав наказ від крайового комисара зібрати в нашій станиці 500 пудів пшениці, 300 пудів ячменю, 100 пудів вівса і завтра послать це все в город. Цей наказ ми мусимо точно виконати.

Зайда: А як не виконаємо?

Роман: То поспується твоя й моя кар'єра. Скоро я попаду в члені Крайового Комітету за добру службу совітській владі. А ти, як мені казали, будеш чекістом у Краснодарі... Лише не знати, чи нам удасться це все зробити, бо козаки саботажники, самі нічого не хочуть дати, а що мають, то закопують у землю.

Зайда: Як треба, то ми й з під землі дістанемо.

Роман: Ти вже маєш практику у цьому ділі, тому

то я й покликав тебе зараз. Возьми з собою двоох трьох чекістів та два вози і йди за ними од хати до хати. Мішки маємо. Збіжжя звозьте до канцелярії на подвір'я, — тут його ніхто не ростягне.

Зайда: Про бандитів сотника Коваленка нема ніяких свіжих вістей?

Роман: Ні. Щось довго наш розвідчик не вертається; може попав їм у лапи і його також козаки відправили в штаб Духоніна?

Зайда: Було б шкода, — спритний шпигун. Я без нього, як без рук. (Павза). Балакають по станиці, що Коваленко з козаками збирається в гості до нас...

Роман: Я вже оповістив про це комисара в Краснодарі і він обіцяв негайно вислати до нас матросів та китайців. Козаки не певні люди: вдають нестральних, а держать камінь за пазухою. (Оглядається по хаті, а потім тихшим голосом): Ти зверни увагу і на Максима: хоч він і наш, але з козаків. Коли він легко зрадив козаків, то ще легше може зрадити нас...

Максим (входить в червоні черкесці, в козацькій шапці при кінжалі й револьвері): Що чувати нового?

Роман: Добре, що ти надійшов. Тільки що дістав наказ (подає Максимові папір). Прочитай!

Максим: (мовчки читає): Не так легко зібрати, як написати. Вже й так люди скаржаться, що не мають що їсти, а до жнив ще далеко.

Роман: Наш обов'язок виконувати те, що нам наказує совітська влада, а не потурати саботажникам, ворогам пролетарської революції.

Максим: Я добре це все розумію. Але як і у ворога нема що взяти, то хіба душу з нього витягти?

Зайда (підозріло усміхається й переглядається з Романом): Я знаю напевно, що козаки де-що позакопували. Я — всевидяче око в станиці: все бачу і знаю, про що шепчуть козаки...

Максим: Тепер нема козаків, а всі — горожани Світської республіки.

Роман: Згідно з декретом товарища Леніна так і має бути: ані козаків, ані городників, — тільки горожане. Але в дійсності нічого ни змінилось: козаки, як були ворогами большевизму, такими вони й залишилися. З козака хіба витягнеш душу, тоді він лише перестане бути козаком. Удають нестральних, а добровільно не хочуть давати нічого для нашого війська. Ось і тепер треба шукати хліб попід землею, а не в мішках чи там в закрамах по винбарях. (До Максима): Не всі такі козаки ширі для совітської влади, як ось ти. (Павза). Ми зараз підемо збирати збіжжя, а ти, Максиме, як привезуть його сюди, будеш складати мішки на подвір'ю коло канцелярії. Та не забудь поставити до мішків варту, а то, чого доброго, й з під носа розтягнуть (Роман і Зайда виходить).

Максим (один; по хвилі мовчанки): "З козака хіба витягнеш душу, тоді він перестане бути козаком"... "Не всі козаки ширі для совітської влади, як ось ти", — таке мені кинув у вічі Роман... А хіба у мене нема більше козацької душі? Хіба я який козацький виронок, що ширю служу совітській владі? Дурний Роман-він гадає, що я й справді ширю служу цій владі! Совітська влада мені потрібна, як драбина, по якій я зможу видізнати до гори понад голови людської маси. В каламутній воді добре й рибу ловити! (Павза). Що большевики таки порядна погань, я тепер і сам це добре бачу. Козаків просто грабують до нитки, а за яку будь дурницю грозить їм розстріл (задумується). Ех, чому я не в сотні мого брата? З якою насладою бив би я зараз цю босоту, що налізла до нашої станиці за козацьким "хлебушком"!... Тепер уже й жиди до нас інколи навідуються (задумується). Є, які дурні думки лізуть до голови, — все одно розбурхані хвилі революції ще не скоро угомоняться. Буду плити далі на поверхні цих хвиль, може ще допливу і до отаманської булавки... Нема іншого виходу, треба під большевицьку дудку танцювати. А як знадто будуть грати, то можна буде їм і дулю показати...

Ольга (бідно одягнена, входить): Максиме, та щож це таке діється на світі Божому?

Максим: А що сталось?

Ольга: Прийшли до нас три чекісти й забирають усю пшеницю, яку лише ми маємо. Ми ж з голоду

повмираємо! (Плаче).

Максим: Не я комисар, а Роман. Я йому перечити не можу...

Ольга: Щей погрожують, що як знайдуть у нас де закопану пшеницю, то розстріляють мене й маму... Тата вже давно розстріляли (Плаче).

Максим: Твого тата розстріляли за те, що він був старорежимник, контр-революціонер. За те й мого батька розстріляли!

Ольга: І тобі цілком байдуже, що твого рідного батька розстріляли? Деж твоє серце?

(У вікні показується голова Зайди, який підслушує розмову Ольги з Максимом).

Максим: Ось тут (показує на груди) і як би ти моглаб у нього заглянути, то дізналася б, що воно вміє і кохати...

Ольга: У тебе ще повертається язик у такий час говорити про кохання?

Максим: А чому ні? Як раз збуваються мої мрії: незабаром і я буду комисаром у станиці.

Ольга: Шож тобі дасть твоє комисарство?

Максим: Та хоч би й твоє серце.

Ольга: Ти знову своє.

Максим: "У кого що болить, тот о том і говорит", — каже московська приповідка.

Ольга: Та ти таки добре злигався з москалями, що тобі цілком байдуже те, що зараз діється у нашій станиці.

Максим: Шож я можу зробити? Не я комисар, а Роман. Ось бач ми й домовилися, що може дати мені комисарство: дасть у руки владу, а з владою може прийти й полегкість для козаків.

Ольга: Та чи прийде до тебе та влада?

Максим: Поживемо, то побачимо.

Ольга: Так ти тепер не зможеш вернути нашу пшеницю, що у нас забрали?

Максим: Ідн до дому і скажи мамі, хай вони не вступають в суперечку з чекістами, бо буде зле. У мене не заберуть пшеничку. А як не буде, то ще й дадуть! Я буду мати, той ви з голоду не помреге.

Ольга: Добре. Тільки гляди, щоб не обдурив. (Виходить).

Максим: Алез і допікають вони козакам! Та щей дивуються, що козаки неприхильно ставляться до совітської влади. Аби большевики добре відносилися до козаків, тоб і вони шанували їх владу (Павза). Аж тепер Ольга буде моєю. Часом і лихо на добре виходить. Гарна дівчина, та так мені припала до серця!.. Треба буде з нею поводитись чемненько... Івана нема; за якийсь час вона його забуде, а тоді й заживемо, як голубів пара. (Дивиться у вікно). Якийсь віз іде, мабуть зі збіжжям. (Виходить).

Роман (входить, скидає салдатську шинель та шапку і вішає на стіні). Вислав самих чекістів збирати збіжжя. Вони спрінші до цього діла за мене. Знаю, що буде великий лемет по хатах, бо й справді треба чула, щобі назбирати стільки пшениці, ячменю та вівса від людей, від яких і так майже все забрано. Відписати комисарові, що моя станиця не може доставити те, що вимагається його наказом, — не можна, бо попсию свою кар'єру і знову буду не замінним шевцем.

Зайда (входить, скидає шинель та шапку і вішає на стіні): Таки твоя правда, — за Максимом треба слідкувати.

Роман: Може де-що підслухав?

Зайда: Сюди прибігала Ольга Рябошапчина зі скаргою на чекістів, яких я вислав в першу чергу до Рябошапчихи, а сам залишився слідити за Максимом.

Роман: Шож він їй на це сказав?

Зайда: Сказав, що як він буде комисаром, тоді буде легше для козаків. Як видно Максим закохався у Ольгу. Всєї розмови я добре не чув, але вистарчить з нас і цього... (Чути стріл). А це що таке?... А-а, певно чекісти когось відправили в штаб Духоніна, як відбирали збіжжя. (Чути два стріли).

Роман: Знову два стріли!... Чи часом не йде до нас банда сотника Коваленка?

Зайда: Певно що ні, — товариші вжеб дали знати. Наша варта стоїть довкола станиці, не може бути, щобі він несподівано влетів сюди до нас.

Максим (входить): Чули стріли?

Зайда: А де саме стріляють?

Максим: Здається, коло переправи через Кубань.

(Чути кулеметну стрілянину).

Роман: Ого, це не жарти, коли вже й кулемети заговорили. Ти, Максиме, будь тут, може хто з'явиться з товаришів, то хай збираються скорше з зброєю, а я побіжу з товаришем Зайдою збирати тих товаришів, що розсіпані по станиці. (Роман і Зайда хутко виходять без шапок і шинелів).

Максим: Іде Іван на Максима, брат на брата... Щоб мені робити: чи зрікатися своїх мрій та кинутись проти ворогів Козацтва, чи й далі пливти до своєї мети?.. Ні, тепер уже пізно вертатися на козацький шлях, по якому йде Іван. (Павза). Моя доле, де я тебе знайду, — відгукнись та покажи стежку, по якій мені йти? (Задумується. Чути стріли). Козаки наступають!..

Роман (вбігає з винтовкою): Козаки наступають! Одна частина пре по вулиці сюди до канцелярії, а друга погнала товаришів геть від станиці. Але є ще надія на нашу перемогу: до нас ідуть на підмогу товариші матроси й китайці. Треба вдержати нам бій якої пів години і підмога вже буде тут.

Максим: Багато наступає козаків?

Роман: Може сотня, а може й дві. Це банда твого брата. (Чути стріли). Тікаймо, а то ще нас захоплять у канцелярії.

Зайда (вбігає з винтовкою, обвішаний гранатами): Товариші, тікайте! козаки вже недалеко, — вас можуть захопити!

(Всі вибігають).

.....

Данило і Бойко, а потім **Депутат**.

(Данило і Бойко вбігають у двері; кожний має в одній руці револьвер, а в другій кінжал).

Данило: Шкода, що нікого тут не застали. А я спішив сюди, щоб вловити хоч одну большевицьку рибу та послати її чортові на вечерю.

Бойко: Може ще козаки яку і вловлять!

(Вкладають кінжалі в піхви).

Данило: Видно ми добре злякали цих риб, бо й шинелі й шапки залишили в канцелярії.

Депутат (входить): Ну що, піймали хоч одну рибу?

Данило (показує на шинелі): Саму луску лише застали...

Депутат: Я зараз випустив 30 арештованих чекістами козаків. Бідні так зраділи, що з радощів аж плакали де-які... Казали мені, що їх голодом морили.

Бойко: То вже мабуть добре зазнали большевицького "раю" на власній шкурі.

Депутат: Здибав також на вулиці одну запряжену повозку з пшеницею в мішках. Візник кудись утік. Я сказав одному козакові, щоб він сідав на повозку та їхав до переправи за Кубань.

Данило: Добре зробили, — і нам треба хліба.

Депутат (бере зі столу наказ комисара і мовчки читає): А-а, це вони приспіненим темпом збирали збіжжя, а ми їм як раз перешкодили! Шож, нехай вибачають, що використовуємо їх працю. Ось наказ від комисара з Краснодару зібрати 500 пудів пшениці, 300 пудів ячменю і 100 пудів вівса. І це все мало бути завтра відправленим у город.

Данило (сміється): Ха-ха-ха! Буде тепер вам від комисара догана, що ви не туди відіслали пшеницю!

Депутат: Та мабуть не вислужусь на комисара...

Данило: Я зараз побіжу на хвильку до свого дому, а ви обоє будьте тут, може козаки приведуть якого комисара чи товариша. (Виходить).

Бойко: Мені також кортить збігати до дому та треба вже зачекати Данила.

Депутат: А сотник де?

Бойко: Погнав большевиків поза станицею...

Депутат (бере зі столу ножиці і обтинає на пальцях нігті): Хоч комисарськими ножицями собі нігті пообтинаю, як не довелось з ними побачитись.

Бойко: Ви перегляньте большевицькі папери, а я обдвлюсь комисарськi шинелі.

(Бойко оглядає шинелі, а депутат папери).

Депутат: Знайшов список розстріляних — 23 ко-

заки, а другий арештованих. О, і "чорна доска" є! Це треба сховати.

Бойко: Я знайшов два свідотства: в одній шинелі комисара Романа, а в другій чекіста Зайди. Вони колись нам пригодяться (Свідотства ховає в карман).

Закрепа (вбігає): Підійшла підмога большевикам, — матроси з китайцями!.. Станиця вже обложена з усіх боків!.. Командир сотні з козаками пробивається до переправи!.. (Вбігає).

Бойко: Треба тікати, а то як мишей нас тут переловлять!

Депутат: Попалися-б їм у руки козацькі риби! (Обоє вибігають, а потім вертаються).

Бойко: Тепер хоч кулю в лоб, — коней нема!

Депутат: Переодягаймося скоренько в комисарськi шинелі, а потім якось-то буде. (Обидва скидають черкески, надівають шинелі й салдатськi шапки).

Бойко: Тепер буде безпечніше. (Закручує вуси).

Депутат (бере ножиці): Давайте я вам вуси обстрижу!

Бойко: Шкода вусів, та вже хай пропадають, аби душу спасти. (Депутат обстригає вуси Бойкові).

Депутат: А тепер і мені стрижіть.

Бойко (стриже вуси депутатів): Пропадай козацькi вуси!

Депутат: Тепер тікаймо!

Бойко: А нашу луску їм залишимо, чи з собою візьмемо?

Депутат: Нехай лишається їм на памятку, тепер не до луски!..

(Обоє вибігають; за хвилину на сцену входять матроси й китайці. всі узброєні...).

ЗАВІСА

ДІЯ V.

Нутро дуже бідної хати. Дієві особи значно постаріли: між IV і V дією проходить 15 років.

Настя (одна; лежить на ліжку хора, прикрита якимсь лахміттям). Ользю!.. Ользю!.. Максиме!.. Максиме!.. Нема нікого в хаті. Боже, колиж Ти пошлеш мені смерть! Ох, як тяжко з голоду мвирати (Стогне).

Ольга (входить; дуже виснажена, обдerta; в руках тримає дві картоплини): Дві картоплини найшла на смітнику коло хати станишного комисара. Як куля летіла сюди, щоб хто не побачив їх у мене в руках... Якраз у комисара Зайди бенкет: має гостя Романа — комисара з самого Краснодару. (Павза). По вулиці страшно й пройти: скрізь голодні люди...

Настя: Хто є в хаті?

Ольга: Це я, бабусю.

Настя: Ой, їсти хочу!.. Хоч крихіточку хліба мені дай!

Ольга: Якимсь чудом найшла дві картоплини; зараз зварю і вам тоді одну дам.

Настя: Давай сиру, я й сиру з'їм!..

Ольга: Ні, не можна; вам тепер сира пошкодить, — ще гірше буде. (На двох цеглах ставить засмалену бляшку, наливає води і кидає до неї дві картоплини, а потім між цеглою розпалює огонь).

Настя: А Максима не бачила?

Ольга: Не бачила. А якій він тепер сумний!.. Прошло вже 15 років, як після нападу на нашу станицю сотника Коваленка, його брата, Максим стратив ласку совітської влади і, мов неприкаяний, живе тепер на світі. Проклинає колхоз, уякому працює, і всіх большевиків. Зазнав і він большевицького "раю", — тюрми й голоду. Сотник Коваленко, колись був мій наречений (плаче)... А мій брат Данило теж десь у Франції... Ранше хоч раз на рік діставала від них листи, а тепер і чутки про них нема.

Настя: (стогне): Ой, ой, о-о-ой!.. Ользю, ради Бога, дай мені їсти! Дай хоч сиру картоплину!

Ольга (витягає ложкою картоплину): Ще не зварилася. Зачекайте трошки, більше чекали. (Стукають у двері; Ольга вливає воду на вогонь, а картоплю ховає). Якийсь голодний стукає до нашої хати. (Відчиняє двері).

Бойко (входить; сивий з бородою, з мішком за плечами і з палкою в руках): Добрий день!

Ольга: Добрий день!.. Чого ви, дідусю, хочете? Може прийшли просити хліба або картоплі? У нас нема нічого!..

Бойко: Я прийшов до вас не просити хліба, а приніс вам хліба.

Ольга (на бік): Бідний дід, збожеволів: хтоб тепер свій хліб роздавав у такий голод? (До Бойка): Добре зробили, що принесли, а то ми й забули, як він виглядає.

Бойко (витагає з мішка білу паляницю і дає Ользі; Ольга відламує кусок хліба і їсть): Що, добрий хліб? (Ольга киває головою).

Ольга (відламує кусок хліба і дає Насті): Натє вам хліба! Якійсь дідусь приніс нам хліба!..

Настя: Боже, Ти послав нам хліба! (Підводиться на ліжкові і жадібно їсть).

Бойко: Як що ви давно не їли, то не їйте багато, а то може пошкодити.

Ольга: А хто ви такий, дідусю? Звідки ви йдете?

Бойко (Оглядається давкола): Чия то хора жінка на кроваті?

Ольга: То мама Максимова.

Бойко (перебиває)... і сотника Івана Коваленка?

Ольга: Хіба ви знаєте сотника Івана Коваленка?

Бойко: Він тепер у Франції.

Ольга (здивовано): А звідки ви знаєте? (На бік): Я ж нікому не говорила про нього, що він живий і де він є. Може дід шпигун?..

Бойко: Тож сотник Коваленко був напад з козаками перед п'ятнадцат'ю роками на станицю, пригадуєте?

Ольга: Кажуть на нього, а може й не він.

Бойко: Я добре знаю, що він.

Ольга: А я не знаю. (На бік): Хочє де-що від мене винохати. (До Бойка) Дуже дякую за хліб. Вибачте, що не можу вам чим заплатити, бо нічого у нас нема.

Бойко: Мені заплати ніякої не треба; навпаки: я вам винен і оце трохи приніс вам на мій рахунок. Може коли й решту заплачу.

Ольга: Ви нам, дідусю, нічого не винні.

Бойко: Аби вам хто спас життя, чи ви почувалиб своїм обов'язком чим будь віддячитись тому чоловікові?

Ольга: Я вам не спасла життя.

Настя (корчиться в муках): Ой Боже! ой, ой, ой! Ой коле в середині! Не витримаю!.. Ой, ой (стогне). (Ольга й Бойко підходять до ліжка).

Бойко: Бідна, з'їла багато хліба, а тепер може померти, як що давно не їла.

Настя: Ой, ой, ой! О-о-о... (стогне і стихає).

Ольга (плаче): Здається померла...

Бойко (нахиляє голову до грудей Насті і слухає): Серце перестав битися і піт холодний виступив на чолі (хреститься)...

Ольга (хреститься): Хоч би Максим скорше прийшов... Що я сама тепер буду діяти? (Плаче).

Бойко: Сльозами горю не поможеш. Я тобі, Ольго поможу. Я — Бойко! Памятаєш станишного отамана?

Ольга (кидається йому на груди): Чому ж ви зразу не сказали, що це ви? А я гадала, прости Господи, що ви большевицький шпигун, — не пізнала вас. Що ж ми тепер будемо робити? Куди ми подінемось?

Бойко: А твої мама й тато де?

Ольга: Тата большевики розстріляли, а мама з голоду померла. (Плаче). Де ж ви перебували до цього часу, що я вас ніколи не бачила? Що сталося з депутатом Кубанської Ради?

Бойко: Цікава все знати, то слухай. Як ми прибігли садками з большевицької канцелярії до вас та сховалися під яслами, ти нам приносила їсти так, щоби і сусіди не бачили. Ти навіть своїй мамі не сказала, царство їй небесне (хреститься), що ми були у вас, — боялася, щоби вона не проговорилася. За кілька днів, ми втікли за Кубань у гори. Коли зачули, що вся Кубань повстала проти большевиків, знову вернулись... Що діялось на Кубані під час козацького вибуху, яку вели політику військові отамани і до чого довела їх московська політика, ти сама знаєш. Не судилось нам з депутатом вибратись з другими козаками за

кордон... Тепер перебуваємо в лісах та горах. Ми не самі: коло нас зорганізувалися повстанці, силою коло трьох сотен. Керує ними депутат Ради, що переходивався зі мною у вас під яслами. Ми нападаємо на большевиків і відбираємо у них хліб, що вони вивозять з Кубані, та вибиваємо комисарів...

Ольга: А де тепер ваші повстанці?

Бойко: Одна сотня стоїть у лісі за Кубанню, недалеко від нашої станиці. (Павза). Ще тобі скажу одну новину.

Ольга: Яку?

Бойко: За кордоном виходить козацький журнал "Вільне Козацтво", який пропагує ідею цілковитого відірвання від Росії усіх земель козацьких та створення з них Козакії, себто самостійної козацької держави.

Ольга: Невже це правда?

Бойко (витагає з за пазухи журнал "Вільне Козацтво"): Я приніс з собою один номер "Вільного Козацтва", хотів козаків бодай цим потішити. Цей журнал де-коли й до нас попадає в руки. Тепер наші повстанці скрізь ширять ідею Вільного Козацтва. У слушний час, як наші повернуть із-за кордону, всі козаки як один чоловік, стануть під прапори Вільного Козацтва.

(За сценою чути спів Зайди й Романа під гармонь: Ох, яблочко, куда котишься?)

На Кубань подадеш, не воротисься!..

Бойко хова хліб у мішок, а журнал за пазуку): Може сюди йдуць? Я сховавсь... (Лізе під ліжко).

Зайда (за сценою): Ольго, йди до нас, вип'єм, до мене товариш Роман приїхав у гості!

(Зайда з гармонією і Роман входять; обидва п'яні).

Роман (спиває, а Зайда приграє на гармонії):

Ах, зачем эта ночь

Так была хороша?

Не болела бы грудь,

Не страдала б душа...

Зайда: Товариш комисар Роман трохи випив зі мною і хотів тебе побачити. Він тебе дуже кохає!.. Правду я кажу, Романо?

Роман: Якщо не брешеш, то правду. Справді, Ольго, ми за чаркою й про тебе згадали (дивиться їй у вічі). Ти ще й тепер красуна, хоч трохи й змарніла. Ходім з нами! Ми тобі дамо масла, молока, ковбас, білого хліба, вина, — чого твоя душа забажає!.. У нас нема голоду.

Ольга: Дякую за запрошення.

Зайда: Твоєї подяки ми не хочемо, а хочемо саму тебе до нашої компанії. Правда, товаришу Романо? (Роман хоче обняти Ольгу, вона від нього відступає).

Роман: Ти може гніваєшься на мене, що увесь хліб забрав від козаків з вашої станиці? Даремний твій гнів! Як хочеш гніватися, то гнівайся на товариша Сталіна, що сидить у Москві: то він нам прислав наказ витягти з козаків душу голодом. Ми лише виконуємо його наказ. Ти може гадаєш, що тільки з вашої станиці силою вивезли хліб, то помиляєшся: ціла Кубань умирає з голоду! (Павза). Плюнь, Ольго, на все: ходім з нами!

Ольга: Не піду я з вами. Ідіть собі інших шукайте до компанії.

Зайда: Ото дурна, не хоче їсти!

Роман: Як ти не хочеш з нами йти по доброму, зможемо тебе і силою взяти. Так, товариш Зайда?

Зайда (кладає гармоню на стіл): Так, так! Ми зараз її спутаємо трохи (підбігає до Ольги й хапає її): Тепер не вирвешся з моїх рук!

Роман: Та ти задушиш її!

Зайда: Не бійсь, живу тобі доставлю до хати!

Максим (бідно зодягнений, входить): Ви що тут робите?

Зайда (пускає Ольгу): Прийшли до Ольги трохи пожартувати. Вона є нічия жінка, тож їй вільно з ким будь побавитись.

Ольга: Максиме, вижени їх з хати!.. Вже твоя мати померла з голоду...

Максим (підходить до ліжка й дивиться на Настю потім до Романа та Зайди): Це ви замучили її голодом! Колісь і на вас суд буде!..

Зайда: А ти звідки такий взявся? Ще тільки пикни одно слово і сьогодні ж підеш в "роход". (Показує на свій револьвер).

Максим: Не боюсь я твого "роходу", проклятий москалю!..

(Зайда хватается за револьвер, але Максим вихвачує з кешені свій револьвер і стріляє в Зайду; Зайда з криком "ой!" падає. Роман кидається на Максима, але з під ліжка Бойко стріляє в Романа; Роман з криком падає... Бойко вилазе з під ліжка).

Максим: А ви хто такий?

Бойко: Потім розпитаємось, а зараз тікаймо...

Ольга: Куди ж тікати?

Бойко: Тікаймо до Вільного Козацтва за Кубань! (бере револьвер у Зайди та Романа, передає один Ользі...).

Максим: Ну, як що приймете, то і я з вами. Хочу лише матір поховати... А цих зайд я спавлю вмісті с старою хатою. Потім, Бог дасть, нову поставимо... Ідїть, я прийду. Давно пора вже козакам збиратися до купи та робити козаچه діло...

Бойко (до Максима): Так ми чекаємо. (До Ольги): Ходім, дочко...

Ольга (до Максима): Та довго не барися!

Максим: Не забарюсь...

(Бойко і Ольга виходять. Максим стає на коліна перед матірью та бє їй земного поклона).

З А В І С А

ЖИВА КАРТИНА

До стовпа прив'язана гарна жінка у довгій білій вишиваній сорочці, підв'язаній у поясі синьо-малиново-жовтою національною козакою лентою, з терно-

Сергей Чепурной.

вим вінком на голові; на грудях у неї великими літерами вишито "Козакія". Жінка впирається ногами об дрова, які зложені під нею для огнища; дрова помалу горять.

За жінкою стоять шість козаків, які уявляють шість козацьких європейських військ. Кожний козак у національному своєму вбранні держить в руках на списові стяг свого війська. По середині козаків на списові, по над стягом (флагами) всіх військ, видніється великий стяг Козакії, який примає сьомий козак. За цими козаками видніється військо Козакії з піднесеними шаблями і списками в руках.

Праворуч огнища сидить жінка з дитиною на руках; дитина тримає в руках хліб. Чекист, у чорній сорочці й з більшовицькою "звездой" на салдатському картузі (або буденовці), з рук дитини вириває однією рукою хліб, а в другій держить револьвер, який наставив на дитину. Коло чекиста стоїть козак кубанец у черкесці, який тримає занесену над чекистом у правій руці шаблю, а в лівій щит з написом: В. К.

Ліворуч огнища, у такому ж убранню як і перший, стоїть озброєний другий чекист і підкладає до огнища дрова. Другого чекиста козак донець хоче заколоти піною. Цей козак також має щит з надписом: В. К.

Козакія (що прив'язана до стовпа): Я горю у вогні страждань... Від цього вогня спасе мене лише Вільне Козацтво.

Козаки! Я, ваша рідна мати, з цього вогня кличу до вас: спішіть під прапори Вільного Козацтва, зміцнюйте його силу, приспішіть кінець моїм пекельним мукам! (Павза).

Остерігайтесь зрадників! Слухайте лише козачих патріотів!..

З А В І С А

Весна идет...

Не радует меня грядущая весна
С надеждами, мечтами и цветами,
Когда моя родимая страна
Залита кровью, горькими слезами.
Чем ярче блеск, чем аромат сильней,
И гимн торжественней, ей посвященный,
Тем резче боль в груди моей,
Мучительней стук сердца беспокойный.
Своими чарами волшебницы прекрасной

Она бессильна путь изгнания облегчить,
Ни крест над родиной моей несчастной
В мираж, преданье превратит...
Ни скрыть сожженных хуторов нарядом
пестрым...

Весна идет... но для чужих людей...
А я иду по камням оголенным, острым...
Чернеет крест над зеленью степей...

22. 3. 35

Неужели потеря?

В парижском "Возрождении", в номере от 31 марта с. г., мелким шрифтом, на 5 странице, напечатано весьма важное для нас, казаков, сообщение:

"Русский заграничный исторический архив в Праге сделал за последнее время ряд ценных приобретений. В 1934 г. в ведение его поступил целиком Донской Казачий Архив, состоящий из массы документов по истории казачества, со множеством военных карт, негативов, фотографий и рисунков"...

— Охотно верим, что русский архив сделал действительно ценное приобретение. Но, помирятся ли с такой потерей казаки?

Понимаете ли вы, братья казаки, что значит такая потеря? Понимаете ли вы, что ушло из казачьих рук?

Для Казачества потеря Донского архива настолько огромна, что ее невозможно выразить никакой ценой.

Кто же это сделал? Кто до сих пор распорядился судьбой важнейших исторических документов Донского Казачества?

Мы думаем, что вопрос о судьбе Донского архива, имеющего ценность и значение не только для донцов, но и для всего Казачества, надо поставить перед всеми казаками и попробовать спасти и оставить в казачьих руках, обеспечить за Казачеством навсегда его историческое достояние.

Вопрос о судьбе Донского архива должен быть поставлен и пересмотрен.

Казаки! Надо добиться, чтобы архив, вывезенный с Дона: архив, в котором, кроме прошлого, сосредоточены и все материалы о войне с большевиками, не ушел окончательно в чужие руки. Надо сделать все, чтобы Казачество не потеряло своих ценнейших исторических материалов.

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III

(Июль-декабрь 1919 г.).

Борьба за обладание Днепром.

(Схема 9).

1.

Руководители красных армий отдавали себе отчет в том, что на юге сов. Россия ведет войну с группой казачьих Войск — Донским, Кубанским, Терским и Астраханским — и с Украиной. Как известно, советское правительство к концу 1918 г. поставило на юге две самостоятельных, но тесно связанных между собою, задачи: 1) уничтожение казачьих армий Дона, Кубани и Терека и 2) советизирование Украины, т. е. создание здесь советской власти, работающей по указаниям Москвы.

Хорошо задуманная правителями России программа политической, национальной, экономической и военной деятельности на Казачьих Землях потерпела полный крах в первой половине 1919 г. Ко второй половине июня русские красные армии принуждены были совершенно очистить Казачьи Земли и уйти на окраины русской территории.

Почти в полной мере провалилась и большевицкая программа деятельности на Украине. Много усилий и кипучей энергии приложили большевики зимою и весною 1919 г. с целью организации на Украине целых трех красных армий "украинских", но эта затея разбилась, в конце концов, о сопротивление украинского населения, сопротивление, выразившееся в борьбе армии Украинской Народной Республики на западе и в антибольшевицких восстаниях, охвативших оба берега Днепра.

Руководители русского белого движения решили воспользоваться в своих интересах созданным на Украине положением. И здесь мы снова должны особенно подчеркнуть то важное обстоятельство, что русское белое движение решило свою русскую, еднородную программу работы на Украине осуществить при помощи казачьей военной силы. Разбирая "Московскую директиву", мы отметили, что не менее трех четвертей всей тяжести борьбы по захвату Москвы русские белые руководители возложили на Казачьи армии и что для наступления на Москву своей Добровольческой армии Деникин оставил только одно направление Курск-Орел-Москва. Кроме того, русские белые вожди решили казачьи войсками постепенно очистить и территорию Украины от советских войск, и на очищенной казачьями территории попробовать создать русскую армию для борьбы за идеалы, которые преследовало русское белое движение.

В соответствии со своей политической программой Деникин распределял казачьи войска на фронте. Во второй половине июня 1919 г. казачьи полки и батальоны занимают длинный фронт от г. Богодухова до проходов в Крым: в районе городов Богодухова-Краснокутска действовала 1-я Терская дивизия, на направлении Константиноград-Полтава работала 2-я Кубанская пластунская бригада, растянувшая свой левый фланг до самого Днепра; на правом берегу Днепра в районе Екатеринослава храбро работала 1-я Кубанская Кавказская конная дивизия и части 4-го Куб. пл. батальона; весь левый берег Днепра от Екатеринослава до г. Александровска и южнее был очищен Кубанскими пластунскими той же 2-й бригады, при чем, как отмечает оперативная сводка от 20-го июня, "доблестные Кубанские пластунки по линии железной дороги к югу от Александровска отбили у противника два бронепоезда, красные бежали за Днепр"; еще южнее 2-й Лабинский полк очистил от большевиков весь район Малой и Большой Белозерки и Малой и Большой Знаменки, подойдя к берегу Днепра напротив г. Николая, а 42-й Донской конный полк очистил от красных земли к за-

паду от г. Мелитополя — район селений Гохфельд, Екатериновки, Тернового — и далее на запад в направлении Каховки-Бериславль. Следует отметить, что самая встреча войск, наступавших из района Мариуполя-Юзовки на нижний Днепр, с войсками 3-го Корпуса, действовавшего в Крыму, начиная с Акманайских позиций, произошла на станции Рыково, удаленной всего верст на 20 от Крыма (Чонгарский полуостров). (См. схемы 8 и 9).

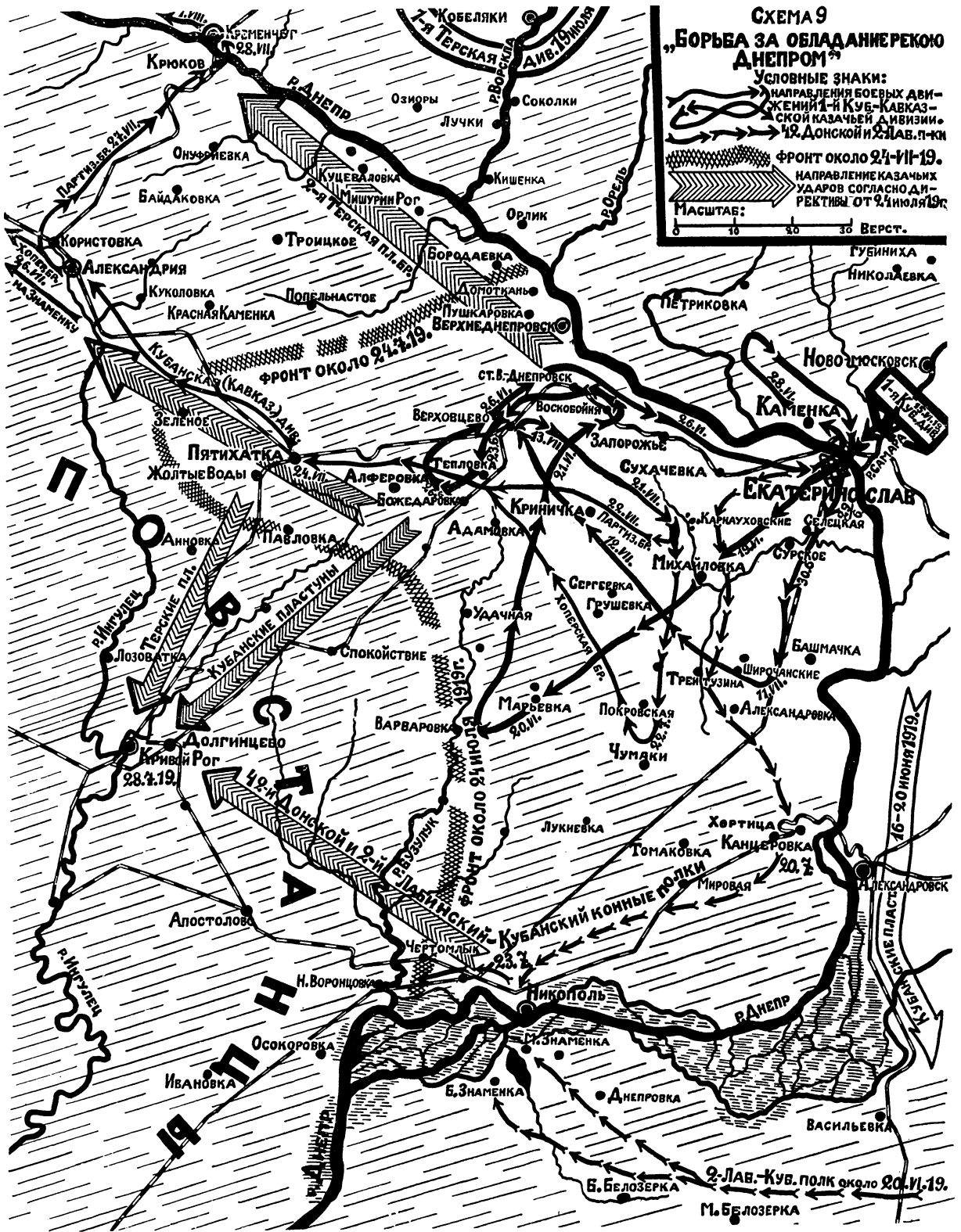
Мы знаем, что 2-я советская армия на Украине, в июне 1919 г. переименованная в 14 сов. армию, была расстроена и дезорганизована не только казачьи победами, но и уходом из ее состава массы украинских селян, перед этим обманом и террором втянутых в огне антисоветских восстаний. Большевицкие исследователи событий того времени признают, что повстанцы занимали в июне-июле 1919 г. огромный район от г. Николая на р. Днестра до Елисаветграда, Новоукраинки и г. Вознесенска. "Эти шайки... легко сдавали под фронтальными ударами хорошо организованных частей с тем, чтобы затем опять нависнуть на их фланги, тылы и сообщения" (Н. Какурин. Как сражалась революция, т. 2-й, стр. 285).

Вследствие такого положения дел на Правобережной Украине, как мы отметили уже в разделе "Бою на Левобережной Украине", советская власть не могла удерживать здесь сплошного фронта, так как красные войска боролись и против казаков и против повстанцев. Обыкновенно, большевицкое командование собирало вокруг крепких красных или интернациональных частей той или иной величины ударные кулаки и при их помощи старалось осуществить задания Москвы.

Вызванный объективными обстоятельствами такой способ ведения большевиками войны на Украине давал широкую возможность казакам применять маневр, охват флангов противника, выход на его тыл, внезапность удара. Так 16 июня Кубанцы налетом захватили г. Екатеринослав, лежащий на правом берегу Днепра, хотя им было приказано занять только екатеринославский железнодорожный мост (см. приказы по 1-й Кавказской дивизии за июнь 1919 г.). Этот блестящий казачий маневр разрезал большевицкие силы на р. Днестре на две части: 60 сов. дивизия отходила на Полтаву, а 58 сов. — Крымская — дивизия заняла фронт по р. Днестру от Екатеринослава вниз до г. Херсона (С. Урицкий. Между Одессой и Николаевым. Гражданская война, т. 1, стр. 96).

Одновременно с усилиями красных продвигаться вперед на Ахтырско-Харьковском, Полтавско-Харьковском и Полтавско-Константиноградском направлениях, усилиях, разбиваемых, главным образом доблестными 1-й Терской дивизией и 2-й Куб. пластунской бригадой, в июне-июле 1919 г. большевики стремились во чтобы то ни стало снова овладеть г. Екатеринославом, без обладания которым они не могли закрепиться на Днестре. При этом большевицкое командование, одновременно или последовательно один за другим, наносило удары на Екатеринослав по трем направлениям: а) правым берегом Днепра вдоль железной дороги Пятихатка - Верховцево - Екатеринослав, дававшей широкую возможность большевикам применять бронепоезда, б) по степным дорогам с юго-запада и с юга через Карнауховские хутора и селения Михайловское и Сурское и в) левым берегом Днепра в направлении Новомосковска и Нижнеднепровска (см. схему 9).

После взятия Екатеринослава Кубанская 1-я Кавказская дивизия, в составе Хоперской и Партизанской бригад, весьма успешно маневрируя на правом берегу Днепра, защищала подступы к Екатеринославу. 19 июня она занимала район селения Михайловки, 20 июля продвинулась в район сел. Марьевки, удаленной верст на 65-70 на юго-запад от Екатеринослава. Необходимо

отметить, что оперативная сводка за этот последний день отмечает между прочим следующее: "Сведений о близости крупных сил противника не поступило (район Марьевки-Авдотьевки). По сведениям жителей везде бродят мелкие шайки, оставшиеся после развала и распадаения красных частей. По зарослям и хлемам скрываются партии по 3-5 человек местных коммуни-

стов. Местами встречаются и партии Григорьевцев". Нужно сказать, что именно в это время "Махно со своей бригадой (которая входила в состав дивизии (58-й), сначала занял несную позицию по отношению к советской власти, а затем оголил фронт в районе Никополь ушел в Знаменские леса" (там же). Эти данные белого и красного русского командо-

вания наилучше характеризуют условия борьбы на Днестре летом 1919 г.

Было приказано 1-й Кавказ. казачьей дивизии двинуться далее на юго-запад и на запад от Екатеринослава, в сторону Кривого Рога. В это время одна из ударных групп большевистских войск, в 4 тысячи пехоты с 3-4 бронепоездами и броневыми автомобилями, повела весьма энергичное наступление на Екатеринослав с запада, вдоль железной дороги, захватила станцию Запорожье и сел. Михайловку. Большевики вели бой с Кубанскими пластунами уже у станции Сухачевки всего верстах в 10 от Екатеринослава (боевые приказы по дивизии).

Молниеносным ударом Кавказской дивизии во фланг и тыл красным, а Кубанских пластунов с фронта советская ударная группа понесла полное поражение в районе станций Запорожье, Воскобойная, Верхнеднепровская и Верховцево. За два дня казачья конница и пехота очистила от красных весь район от Екатеринослава до г. Верхнеднепровска и района селения Алферовки, что находится верстах в 90 на запад от Екатеринослава.

Здесь мы должны отметить факт, ярко освещающий всю политику русских в отношении казаков и украинского населения. Мы знаем из предыдущего изложения, что 14 июня в г. Ростове русские убили председателя Кубанской Краевой Рады и председателя Кубанской делегации на конференцию представителей Дона, Кубани и Терека, имевшей заданием скорейшее создание Доно-Кубано-Терского Союза. Мы также знаем, что после взятия казаками большевистской твердыни на р. Волге — Царицына генерал Деникин в этом городе издал свою "Московскую директиву". 21 июня в Ростове на Дону на совещании Деникина с председателем Донского Круга Харламовым и председателем Терской делегации на выше названную Конференцию ген. Баскаковым была установлена программа дальнейшей русской работы по возрождению единой и неделимой России.

Как же Деникин отнесся к факту блестящих побед казаков на другой большой реке — на Днестре? Председатель Кубанского Парламента убит, Кубанцы взяли Царицын, "Московская директива" выпущена, с председателем Донского Круга и председателем Терской делегации поладили. Кубанцы взяли Екатеринослав и героически разбили четырехтысячную большевистскую группу и почти за сто верст загнали остатки ее к западу от Екатеринослава. И Деникин едет на Днепр с целью политического закрепления за русскими казачьих побед над большевиками. Для характеристики русской "белой" политики в то время приведем следующий документ:

"Приказ 1-й Кавказской казачьей дивизии № 047. 24 июня 1919 г. Селение Тепловка.

Завтра на станцию Адамовское прибудет Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал Деникин в сопровождении генерала Шкуро... Генерал Деникин произведет дивизии смотр.

На 25 июня приказываю:

1. Для встречи — почетный караул, трубачи и т. д. Команданту озаботиться наличием депутации от жителей с хлебом и солью, а также от местных жителей — с полевыми цветами.

2. Для парада всей Дивизии, за исключением сотен и орудий, высланных на ст. Граново и Божедаровка, построиться на поле...

3. Команданту условиться с духовенством о подготовке благодарственного молебна, на котором поминать: 1) Единую Великую Державу Российскую, 2) Верховного Правителя России воина Александра (Колчака), 3) Главнокомандующего вооруженными силами юга России воина Антона (Деникина), 4) партизана земли Русской воина Андрея (Шкуро), 5) победоносное христолюбивое Российское воинство и провозгласить вечную память павшему на поле брани воину Лавру (Корнилову), в Бозе почившему воину Михаилу (Алексеев) и всем воинам на поле брани за Веру и Отечество живот свой положивших.

4. После молебна церемон. мар. и т. д.

Подписал: врем. исп. обяз. начальника дивизии полковник Шифнер-Маркевич"...

Из этого приказа ясно видно, какими способами и какую политику осуществляли "аполитичные" командиры казачьих войсковых частей на фронте: по приказу появлялись "депутации" с хлебом и солью, а "также от местных жителей с полевыми цветами", по приказу же духовенство прославляло державу Российскую и воинов-генералов.

После этого услужливые и подобострастные русские "военные корреспонденты" разнесли по всему свету сообщения о том, как "все население с восторгом и слезами радости встречало главнокомандующего, как "прославляло избавительницу — Добровольческую армию" (которой, кстати сказать, и близко не было), как "казаки кричали ура Деникину"...

Казаки своею доблестью и своею кровью добывали победы над большевистскими войсками, а русские старались принудить казаков делать русскую политику, хотя казачьи Парламенты не признавали власти ни Деникина, ни Колчака. Пренебрегая волей Казачества, пользуясь оторванностью казачьих боевых частей от Родных Краев, русские правители с полным пренебрежением относились к постановлениям казачьих Кругов и Рад.

За несколько дней перед этим русские убили председателя Рад Кубани. Вся народная Кубань горячо протестовала против этого злодеяния. Рядовая казачья масса приговорами десятков станиц требовала энергичной охраны самостоятельности и независимости Кубани, а в это же время Кубанские части принуждались на фронте прославлять непризнанного Кубанью Правителя России.

Рядом с этим, используя казачьи победы, Деникин бросал вызов всей Украине, с которой Казачество хотело жить в дружбе. Вот к каким печальным и гибельным последствиям приводило сотрудничество казаков с "белой" Россией.

Пока Деникин в Екатеринославе разыгрывал роль "собиравателя России", севернее г. Екатеринослава, в районе Петриковки, Николаевки и Губинихи, появились группы красных войск силою до 5 тысяч бойцов и наступали на г. Новомосковск с целью охватить самый Екатеринослав с северо-востока и с востока. Надо было спасать положение, так как тонкая цепочка Кубанских пластунов могла и не выдержать натиска красных. Но где взять войска для того, чтобы отбить нападение красных, которые в это же время сильно нажимали на Харьков с двух сторон и на г. Константинополь (см. выше: "Бои на Левобережной Украине").

26 июня Кавказской дивизии было приказано самым быстрым маршем переброситься из района Тепловки через Екатеринослав на левый берег Днестра, разбить красных и очистить весь район между реками Самарой и Орелью. За один день сделав переход около ста верст, эта казачья дивизия была уже в назначенном для ее новых боевых операций в районе сел. Каменки, что на левом берегу Днестра. Угроза Новомосковску и Екатеринославу была очень быстро ликвидирована усилиями 1-й Кавказской дивизии и частями 2-й Кубанской пластунской бригады.

Пока стальная Кавказская дивизия молниеносными ударами ликвидировала большевистское наступление на левом берегу реки Днестра между реками Самарой и Орелью, новая угроза Екатеринославу надвигалась, теперь уже с юга. Видя, что удар советских войск на Екатеринослав по железной дороге с запада потерпел полное крушение, бывший командующий Крымскими красными войсками Дыбенко собрал к югу от Екатеринослава третью ударную группу красных войск, в состав коей вошла, между прочим, лучшая бригада имени Ленина, и ударил на злополучный город. 27 июня Дыбенко занял все села к югу и юго-западу от Екатеринослава и через селение Селецкое подходил уже к самому городу.

Неутомимая Кавказская казачья дивизия в ночь с 28 на 29 июня бросилась из Каменки к Екатериносла-

ву и на рассвете 29 июня атаквала противника у самой южной окраины города. Бои отличались особенным упорством с обеих сторон. Однако, казаки снова оказались победителями над превосходными силами красных. В военном обзоре, с 21 июня по 1 июля 1919 г., по поводу этих боев читаем следующее:

...“Последние два дня красные вели энергичное наступление в направлении Екатеринослава, сосредоточив здесь все силы, успевшие пробиться из Крыма, а также подвезенные из Одесского района. Наши славные Кубанцы нанесли частям Дыбенко ряд серьезных ударов, захватив 2000 пленных” (“Приазовский Край”, № 151, 5-VP-1919.).

Так казаки в течение 7-8 дней разгромили целых три ударных группы красных войск, наступавших на Екатеринослав с запада, с северо-запада и с юга, при чем казачья дивизия, как вихрь, носилась на путях к Екатеринославу, нанося смертельные удары советским войскам. К первым числам июля 1919 г. Кавказская дивизия очистила от красных большой район правого берега Днепра от Екатеринослава до Кичкаса, при чем только в районе Сергевки-Башмака эта дивизия полностью уничтожила 8-й Крымский ударный полк, захватила 6 орудий, до 10 пулеметов и броневик “Дыбенко”.

В это время 3-й Деникинский корпус, пестрого состава, подойдя из Крыма к нижнему течению реки Днепра, в полной мере бездействовал, прикрываясь широкой рекой

42-й Донской и 2-й Лабинский казачьи полки, по окончании очищения северной Таврии от красных войск, были переброшены в район Екатеринослава на помощь 1-й Кавказской дивизии и Кубанским пластунам 4-го батальона.

Во время ликвидации Кавказской дивизией группы Дыбенко к югу от Екатеринослава, большевистские войска большими массами повели новое наступление на этот город широким фронтом с запада. 11-го июля Кавказская див. из района Широчанских хуторов бросается в тыл группе красных войск, скопившихся в районе селений Михайловка-Криничка. Мощными ударами Кавказ. дивизии с тыла, а 42 Донского и 2 Лабинского полков — сводной бригады ген. Склярова — с фронта 12 июля и эта группа красных была разгромлена и в панике бросилась на ст. Воскобойню, станц. Верховцево и на сел. Марьевку.

Однако, и после этого поражения левый фланг красной группы продолжал упорно держаться на станции Запорожье — 2, 4, 9 и 49 советские полки и 6 бронепоездов — и на станц. Верховцево. 42 Донскому и 2 Лабинскому полкам, составлявшим бригаду ген. Склярова, была дана задача наступать на юг от Екатеринослава на г. Никополю. Кавказская дивизия 13 июля захватила станц. Верховцево и ударила с тыла на ст. Верхнеднепровск, где встретила упорнейшее сопротивление противника. “Дивизия четыре раза переходила в атаку и только последняя во главе с начдивом решила бой в нашу пользу”, говорит официальная оперативная сводка. Здесь казаки взяли 6 орудий, бронепоезд, бронемашину и свыше 1000 пленных.

13-15 июля в районе Запорожье-Воскобойная снова шли ожесточенные бои между Кавказ. див. и 4-м Кубанск. пласт. батальоном, с одной стороны, и красными войсками, с другой. Бои отличались большим упорством потому, что Москва категорически потребовала от своих войск какой угодно ценой взять Екатеринослав и выйти на восточный берег р. Днепра, дабы спасти положение красных на фронте Полтава-Константинополь и Полтава-Харьков, где 1-я Терская конная дивизия и 2-я Кубанск. пласт. бригада наносили смертельные удары красным (см. выше: “Бои на Левобережной Украине”). Тем не менее казаки снова разгромили красных к западу от Екатеринослава и заняли весь район от города Верхнеднепровска до станции Верховцево и селения Кринички.

В это же время на юго-запад и на юг от г. Екатеринослава успешное наступление вели 2 Лабинский и 42 Донской конные полки, встречая иногда упорное сопротивление со стороны противника — например, у

Трейтузина. К 20-му июля эти два полка занимали уже Канцеровку и Хортицу, удалившись от Екатеринослава верст на 70 на юг. Наступление красных через сел. Чумаки в тыл этим полкам было ликвидировано Хоперской бригадой Кавказ. дивизии, снова совершившей стоверстный рейд. 23 июля Кубанцы и Донцы овладели уже г. Никополем, что лежит на правом берегу Днепра, и нанесли удары в западном направлении, в сторону станции Долгинцево и Кривого Рога.

23 июля Кавказ. казачья дивизия взяла узловую станцию Пятихатки, удаленную на 100 верст к западу от Екатеринослава. Эта победа была последним актом блестящих действий стальной казачьей дивизии и 4-го Куб. пласт. батальона, ликвидировавших все усилия превосходных сил противника, стремившегося снова овладеть г. Екатеринославом. Исключительно о казачью доблесть разбиты все усилия 14-й советской армии и Крымской группы красных войск.

Кубанская конная дивизия в составе 4-х полков, 4-й Куб. батальон, 2-й Лаб. и 42-й Донской полки, как видим, достигли выдающихся успехов, охраняя фланг и тыл армий, обращенных лицом на север и занимавших длинный фронт от р. Волги до р. Ворсклы.

Июльские победы 1-й Терской дивизии и 2-й Кубанской пластунской бригады на левом берегу Днепра с совершенной очевидностью свидетельствовали не только об общеизвестной доблести казачьих частей, но и о сравнительной слабости красных сил на Украине. Ген. Деникин, оставляя пассивным участок фронта Добровольческой армии севернее Харькова, а также фронт 3-го Корпуса на нижнем Днепре, предоставляя Донской и Кавказской (Кубанской) армиям вести борьбу на длинном фронте от г. Корочи до р. Волги и за этой рекой, решил продолжать продвижение вглубь Украины. С этой целью он усилил 7-й дивизией, взятой из Кавказской армии, и другими частями свои войска, действовавшие на фронте Ахтырка-Полтава и двинул их на Киев. Кроме этого, в районе Екатеринослава к 20-м числам июля, для той же цели, была сосредоточена весьма сильная по тем временам группа войск. О боевом составе, расположения и задачах этой группы достаточно ясно говорит нижеследующее распоряжение временно командующего этой группой войск генерала Ирманова:

“Телеграмма Начдиву 1-й Кавказской, ген. Хозову, полковнику Цыбульскому, генералу Склярову.

24 июля противник вытеснен Терскими пластунами из гор. Верхнеднепровска. 1-я Кавказская каз. дивизия овладела станцией Пятихаткой, выдвинув передовые части к станциям Зеленая и Желтые Воды. В направлении на Долгинцево сотней 4 Куб. пласт. батальона с 2-мя бронепоездами занята станция Божедаровка. Бригада ген. Склярова, овладев гор. Никополем, продолжает теснить противника к р. Бузулук.

Во исполнение директивы Комкора 2 № 0775 я решил: выдвинув активный заслон в сторону Долгинцево-Кривой Рог, нанести решительный удар в направлении Александрия-Крюков с целью разбить шестую Советскую дивизию, отходящую на Кременчуг и Александрия, и овладеть переправой у Крюкова.

Во исполнение сего приказываю:

1) Генер. Хозову (5, 6, 7 и 8 Терские пластунские батальоны, 2-я Куб. пласт. батарея, тяжелая батарея Гвардейской бригады, Волчанский див. и военная флотилия), выдвинув 25-го разведывательные части на линию Мишугин Рог — река Омельник, 26-го перейти в решительное наступление вдоль правого берега р. Днепра в направлении Куцеволовка-Крюков, поддерживая связь с колонной ген. Оссовского, наступающей левым берегом Днепра для овладения гор. Кременчугом.

2) Ген. Шифнер-Маркевичу (1-я Кавказская див.), выступив из района Пятихатки 26 июля, овладеть гор. Александрия, станцией Користовка, развивая успех к переправе у Крюкова.

3) Полк. Цыбульскому (4-й Кубан. пласт. бат., 13 и 15 Терские пласт. батальоны, 5-я батарея 2-й артил. бригады, 2-я Терская гаубичная батарея, дивизион бро-

непоездов), прочно удерживая железно-дорожные узлы Верховцево и Пятихатка, выдвигать часть сил с бронепоездами в сторону Кривой Рог и Долгинцево.

4) Генер. Склярову (42-й Донской и 2-й Лабинский казачьи полки) продолжать выполнение поставленной задачи, стремясь овладеть станц. Долгинцево.

5) Донесения присылать на ст. Верхне-Днепровск, где установлен телеграф штаба корпуса.

Пятихатка, 24 июля 22 часа. Подписал генерал от арт. Ирманов, Верно. Генштаба полк. Соколовский.

Как видим, 2-й Корпус состоял из 6-ти казачьих конных полков, 7-ми казачьих пластунских батальонов и нескольких батарей, что в общем представляло силу более 12-ти тысяч бойцов-казаков. Кроме того, на левом берегу р. Днепра в это время действовали 1-я Терская казачья конная дивизия и 2-я Куб. пластунская бригада. **В общем же в казачьих конных и пеших частях и в казачьих батареях в это время было на Украине около 18-20 тысяч бойцов-казаков.** Этой казачьей армии, брошенной Деникиным на завоевание Украины, русские люди давали название Добровольческой.

Группа войск ген. Ирманова имела своим заданием быстрое продвижение вверх по течению р. Днепра и вдоль железной дороги Екатеринослав-Пятихатка-Александрия - Користовка - Знаменка - Бобринская, чтобы прикрыть с юга операции группы ген. Бредова, по приказанию Деникина спешившей на Киев. Скорейший захват Киева имел для русских выдающееся политическое значение, так как в это время с запада двигалась на Киев армия Украинской Народной Республики. Утверждение в Киеве власти Правительства Украины, по мнению вождей русского белого движения, могло разрушить планы русских, стремившихся к возрождению неделимой России.

II.

(Схема 10).

Руководители русской акции на Казачьих Землях и на Украине, особенно Штаб ген. Деникина и "Особое Сопровождение", хорошо были осведомлены, как о составе антибольшевицких армий Юга, так и о той сравнительно скромной роли, которую в составе этих армий играли действительно русские люди. Группа войск ген. Эрдели, действовавшая на Астраханском направлении, состояла из казаков и горцев. Кавказская и Донская армии были почти исключительно казачьи. В самой Добровольческой армии все те же казаки имели перво-степенное значение, как по количеству бойцов, так и особенно по их выдающимся качествам. Большую часть среди остальных бойцов Добровольческой армии составляло мобилизованное население Украины.

Знали русские и то, что им не удалось побороть казачью государственную самостоятельность, несмотря на поддержку, какую белые вожди встретили со стороны части казачьей интеллигенции и офицерства.

При этих условиях укрепление Правительства Украины в Киеве усиливало, конечно, самостийничьи ряды. Как известно, в 1918 и в начале 1919 г. между Украиной, Доном и Кубанью уже существовало взаимное признание государственной самостоятельности, скрепленное договорами (см. часть 2-ю "Траг. Казач.>"). Правда, действие этих договоров временно было приостановлено захватом Украины и большей части Дона русскими красными войсками. Но эти договоры и все вытекающие отсюда последствия могли быть легко возобновлены. Именно этого боялись русские люди.

Поэтому, хотя ген. Деникин, на основании сообщений командования Донской и Кавказской армий, и на основании данных своего же Штаба за июль 1919 г., прекрасно и достоверно знал о сосредоточении в районе Балашова-Саратова русской красной ударной группы войск для нового завоевания Казачьей Земли, он, Деникин, пренебрег этой непосредственной угрозой для Казачества. В то время, когда Донцы истекали кровью в жестоких боях в районе Лисок, Бутурлиновки, Ново-Хоперска, Балашова и реки Терсы, когда Кавказская (Кубанская) армия несла тяжелые потери в боях за гор.

Камышин и севернее его, Деникин бросил на Украину около 18-20 тысяч лучших казачьих бойцов ради достижения русских целей.

Штаб Деникина после взятия Камышина воспрепятствовал переброске достаточных сил Кубанцев за Волгу для установления боевой связи с армией Яицких казаков, и все внимание обратил на завоевание Украины.

Руководители русских красных армий могли только радоваться тому, что командование казачьими войсками занялось войною против Украины, бросив на Днепр прекрасные казачьи полки и батальоны, так нужные для подкрепления казачьих дивизий на фронте Короча-Лиски-Балашов-Камышин.

Украина в то время кипела антибольшевицкими восстаниями. Украинская армия, растянув свой фронт от Пинских болот на юг до района станции Вапнярки, гнала перед собою большевиков, имея целью захват столицы Украины — Киева. Туда же спешили русские. Группа войск ген. Ирманова быстрыми маршами направлялась все далее на северо-запад от Екатеринослава, против течения р. Днепра. Скорым маршем 2-я Терская пласт. бригада ген. Хозова наступала правым берегом этой реки; вдоль железной дороги на Александрю летели полки 1-й Кавказ. дивизии генерала Шифнер-Маркевича; казачьи батальоны полк. Цыбульского, прикрывая всю эту операцию с юга, в то же время наносили удары в сторону Кривого Рога, а казаки ген. Склярова наступали на этот же район с востока, со стороны гор. Никополя (Схема 10).

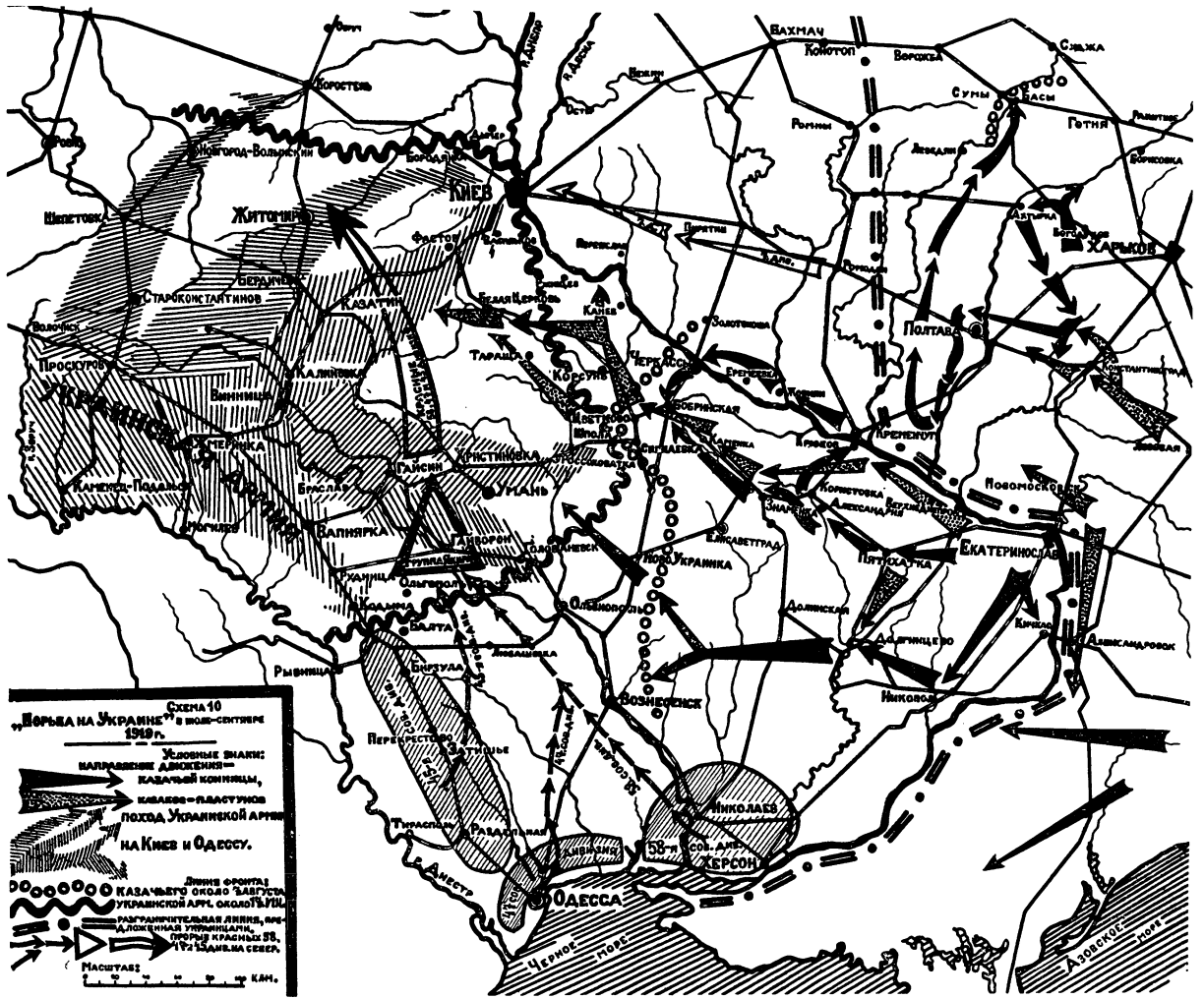
Уже 25 июля Кавказ. дивизия была в Александрии. Отсюда эта дивизия наступала в двух направлениях — Партизанская бригада на север, на Кроюков-Кременчуг, а Хоперская бригада на северо-запад, на Знаменку. 28 июля Партизанская бригада Кавказской дивизии овладела гор. Кременчугом, а Хоперская — узловой станцией Знаменка. В тот же день ударом пластунов с севера по двум железным дорогам — Верховцево-Долгинцево и Пятихатка-Кривой Рог — и ударом казачьих конных полков с востока был захвачен Криворжский район.

Большевицкая власть на Украине трещала по всем швам. После занятия казаками станции Знаменка, победители узнали, что в г. Елисаветграде, находящемся верст в 35 на юго-запад от Знаменки, украинцы сбросили советскую власть. Об этом событии начальник Кавказ. дивизии сообщил высшим военным инстанциям. Штаб Добровольческой армии распорядился немедленно послать в Елисаветград русский гвардейский батальон "для закрепления Елисаветграда"; в то же время представители местной украинской власти подверглись жестокому преследованию.

После занятия гор. Кременчуга Партизанской казачьей бригадой эта последняя была направлена для занятия г. Черкасс. Как видно из приказа по Кавказ. дивизии от 1 августа 1919 г. № 066, данного еще в гор. Кременчуге, к Партизанской казачьей бригаде "придается батальон Севастопольского пехотного полка для закрепления г. Черкасс".

При движении от г. Кременчуга к г. Черкассам Партизанская бригада встретила довольно упорное сопротивление большевицких войск в районе Жовнина, Матвеевой, Гусиного и Еремеевки. Все же 3 августа казаки разбили противника в этом районе, взяв при этом 900 пленных, 4 орудия и 5 пулеметов. 5-го августа Партизанская бригада была уже в г. Черкассах. Отсюда она была брошена на юг, к станции Бобринской на помощь 2-й Терской пластунской бригаде, встретившей весьма упорное сопротивление большевиков на линии железной дороги Каменка-Бобринская. 7-го августа казаки завладели узловой станцией Бобринская, отбросив большевиков на станцию Цветково (схема 10).

Таким образом, за второй период борьбы на Днепре, с 24 июля по 7 августа, казаки прошли с боями по линии железной дороги от Пятихатки до Бобринской и вдоль Днепра от г. Верхнеднепровска до г. Черкасс, очистив от большевиков полосу земли около 100 верст шириною и около 180 верст длиною, удалившись от г. Екатеринослава на северо-запад верст на 250.

В то же время другая группа казачьих войск очистила от красных весь Криворожский район, и продвигалась на запад в район действий повстанцев против советской власти, занимавших степенные просторы далеко на северо-запад, на запад и на юго-запад от Криворожского района.

В обширном повстанческом районе и южнее располагалась 58-я дивизия, одна бригада которой находилась в районе станции Долинской, другая — в гор. Херсоне и третья бригада — в г. Николаеве.

Под влиянием казачьих побед и повсеместных восстаний украинского населения против советской власти в этой дивизии началось разложение, в конце июля и в начале августа вылившееся в открытые бунты, в разграбление солдатами интендантских складов и в переходе к повстанцам Махно целой бригады 58-й советской дивизии в районе станции Долинская (Урицкий. Между Одессой и Николаевым, стр. 98).

Начальник 58-й красной дивизии 3 августа доносил вышнему красному начальству, что только при помощи броневых автомобилей в самом Николаеве удалось прекратить разграбление солдатами советских складов, что большая часть команды советских бронепоездов с оружием направилась для соединения с Махно, а меньшая самовольно пробивается в Одессу, что "при подобном настроении частей едва ли удастся удержать Николаев". В тот же день нацидв 58 доносил, что "разложение частей в соприкосновении с повстанческими массами достигло максимума, наводненные махновскими агентами части боеучастка Кочергина (Долинская) с большинством командного состава перешли на сторону Махно; штаб боеучастка захвачен Махновцами, настроение частей, находящихся в Николаеве, махновское; команда бронепоездов послала делегацию к Махно, оцепила вокзал и штаб дивизии, собрала

вооруженный митинг, требуя ареста штаба дивизии и присоединения к Махно... Весь район на север от гор; Николаева в руках повстанческих и махновских банд" и т. д. В общем, на сторону Махно перешло целиком две бригады 58-й стрел. советской дивизии ("Гражданская война", т. 3, стр. 251).

В это же время поднялось антисоветское восстание в немецких селениях между Николаевом и Одессой.

Из предыдущего схематического описания боевых действий казаков на р. Днепре мы знаем, что большевническое командование всю первую половину июля 1919 г. посылало войска против казаков, защищавших подступы к гор. Екатеринославу, при чем все усилия красных разбивались геройскими контр-ударами храбрых казачьих частей. В этот же период времени к северу от Екатеринославского района большевики наступали с реки Ворсклы на Харьков, Константиноград и Новомосковск. Но и там были разбиты, главным образом, благодаря доблестным усилиям 1-й Терской дивизии и 2-й Кубанской пл. бригады. За этот месяц упорной борьбы на фронте Богодухов-Полтава-Верхнеднепровск-Никополь большевики исчерпали почти все свои силы, которые могли выставить на этот длинный фронт. Важным было то обстоятельство, что население не только не верило большевикам, но поднимало против них повсеместные восстания. Как мы видели, разложение охватило даже советские войска.

Начиная с 20-х чисел июля Деникин перешел в наступление на Киев, широко используя для этой цели казаков. После того, как казачьи полки и батальоны захватили Никополь, Кривой Рог, Александрию, Кременчуг и Знаменку; после того, как явное разложение охватило части 58-й сов. дивизии, защищавшей нижнее течение Днепра с городами Херсоном и Николаевым; после того, как Деникин заручился активной поддерж-

кой со стороны боевого флота Англии и Франции на Черном море, 30-го июля 1919 г. он приказал 3-му корпусу, в течение месяца простоявшему в низовьях Днепра, «овладеть в кратчайший срок Херсоном и Николаевым и выйти на линию Вознесенск-Раздольная, овладеть Одессой» (Деникин, т. 5, стр. 117).

Разложившаяся внутри, теснимая повстанцами со всех сторон, уже отрезанная от Москвы казаками на Днепре, 58-я красная дивизия отдала 3-му корпусу ген. Шиллинга города Херсон и Николаев. Однако, и после этого красные части все же сумели организовать оборону Бугского лимана и нижнего течения р. Буга и не позволяли деникинцам продвинуться далее на запад. Но в это время, как утверждают большевистские исследователи прошлой войны, «казаки форсировали р. Буг у г. Вознесенска и, таким образом, опять угрожали нашему — 58-й дивизии — тылу» (Гражданская война, т. 1-й, стр. 102, статья С. Урицкого: «Между Одессой и Николаевом»).

Район самой Одессы занимали части 47-й сов. дивизии. Вокруг Одессы господствовали повстанцы — немцы и украинцы. Деникин решил, что настало время для занятия этого города русскими войсками. При помощи английского флота был высажен русский десант у Одессы и, как говорит официальная сводка Добр. армии от 12 августа, «наш десант, действуя совместно с восставшими, после боя занял Одессу».

Как видим, благодаря казачьим победам на Днепре в июле-августе 1919 г. русские стали господами положения в Херсоне, Николаеве и Одессе, как перед этим благодаря майским и июньским победам казаков на обширных землях от Донецкого бассейна до нижнего Днепра, русские в июне завладели Крымом (см. часть 2-ю «Траг. Казачества»).

В ходе сложных событий на Украине выдающееся значение имела та борьба, которую вела армия Украинской Народной Республики. В то время, как казаки из района Екатеринослава наступали на юг к Николаеву, на юго-запад в район Кривого Рога и на северо-запад вдоль железной дороги Екатеринослав-Бобринская и вверх по реке Днепру, Украинская армия вела успешное наступление из района Каменец-Подольска и Проскурова по трем направлениям: на северо-восток на Старокопачин, Шепетовку, Новгород-Вольнский, Коростень, на восток — на Винницу, Калиновку, Казатин, Бердичев, Житомир, Фастов и Киев, на юго-восток — на Жмеринку, Вапнярку, Рудницю и Одессу и на Брацлав, Гайсин, Христиновку, Умань (Схема 10).

Ко времени занятия казаками города Черкассы — 5-го августа — и Бобринской — 7-го августа, Украинская армия занимала уже фронт, примерно: Новгород-Вольнский - Житомир - Казатин - Шпола - Гайворон-Рудниця (см. схему 10).

Заняв станцию Бобринская, казаки обеспечивая себя от ударов с юга по железной дороге Бобринская-Новоукраинка - Вознесенск - Одесса, продвинулись на запад и заняли узловую станцию Цветково. 8-го августа произошло весьма и весьма важное в истории борьбы Юга с Севером событие — на станции Сигнаевка встретились раз'езды казацкие с раз'ездами Украинской армии.

10-го августа командование Украинской армии приказало своим войскам не начинать боевых действий против войск, находящихся под общим командованием ген. Деникина. 11-го августа это приказание было повторено.

Фактическое соединение Казачьего и Украинского фронтов между Шполой и Цветковым заперло пути отступления на север большевистским войскам, находившимся к югу от Украинско-Казачьего фронта.

Из района Одессы-Николаева-Херсона вело через р. Днепр на север четыре железных дороги: 1) Херсон - Екатеринослав - Харьков - Курск, 2) Николаев - Знаменка - Кременчуг, 3) Одесса - Вознесенск-Новоукраинка - Бобринская - Черкассы и 4) Одесса-Жмеринка - Киев или Жмеринка - Коростень. Три первые дороги уже были перерезаны казаками, а на четвертой сидели правофланговые части Украинской армии.

Объединение Казачьего и Украинского фронтов на

линии железной дороги Цветково-Вапнярка ставило в безвыходное положение части 58-й, 47-й и 45-й советских дивизий, занимавших совершенно изолированное положение в районе Одессы, Вознесенска, Новоукраинки, Ольвиополя и Балты. Согласованными действиями казачьих и украинских боевых частей, без сомнения, эта группа советских войск была бы ликвидирована, вся Правобережная Украина была бы освобождена и у казаков и украинцев освободились бы руки для борьбы исключительно на севере, на фронте Мозырь - Гомель - Курск - Воронеж - Саратов.

Огромная и богатая Украина, испытав теперь все ужасы большевистского владычества, могла бы дать необходимые военные силы и материальные средства для защиты своих северных границ от империалистических налетов красной России. Все казачьи силы могли бы освободиться для борьбы на фронте между рекой Волгой и союзной Украинской армией.

Именно этого возможного казачье-украинского объединения больше всего боялись русские белые и русские красные. Поэтому генерал Деникин принял все меры к тому, чтобы не допустить этого объединения, для осуществления которого налицо были все данные. Известно, что еще перед наступлением на Киев Украинское Правительство предложило Союзникам план совместных действий против большевиков украинской армии и армий, бывших под командованием Деникина.

Этот план заключался в том, что Украинская армия освобождала весь правый берег Днепра и выходила на направление Киев-Чернигов и Киев-Нежин; правее последнего направления действуют армии, возглавляемые Деникиным (схема 10). Проведение этого плана в жизнь освобождало все казачьи и иные войска, действовавшие на Украине, для выхода на фронт Конотоп-Курск-Воронеж-река Волга. Если в то время только казачьи войска на Украине составляли прекрасных боевых качеств армию, в 18-20 тысяч человек, что помимо казачьих войск в распоряжение Деникина было на Украине в конце июля и в начале августа 1919 г. около 10-ти тысяч бойцов, правда, пестрого состава; все эти войска силою до 30-ти тысяч бойцов, в случае соглашения с Украиной, появились бы на антибольшевистском фронте на севере и, без сомнения, помогли бы разрешить так затянувшуюся борьбу Севера и Юга в пользу антибольшевистских сил.

Сам Деникин рассказывает в своих «Очерках русской смуты», что «в сношениях своих с представителями держав Согласия Украинское командование определяло временную линию для разграничения действий против большевиков между армией Украинской и ген. Деникина: Днепр от устья до Кременчуга и далее Кременчуг - Ромны - Конотоп - Новгород Северский» (том 5, стр. 255).

Но неразумные, политически слепые, белые вожди отвергли это предложение. Почему? На этот вопрос Деникин дает такой ответ:

«...Предоставить огромные материальные и людские ресурсы правобережной Малороссии Петлюре (и Махно?), вооружать и снабжать его армию руками союзников представлялось по меньшей мере нелепым. Наконец, идти вместе с Петлюрой, стремящимся к отторжению от России Украины и Новороссии, значило бы порвать с идеей Единой, неделимой России» (Очерки, т. 5-й, стр. 257).

И Деникин, как выразитель стремлений и желаний белых русских, усилил борьбу против украинского освободительного движения, против всего украинского.

Деникин отверг предложение украинцев о совместных действиях против большевиков и 3 августа 1919 г. поспешил сообщить Союзникам «о невозможности какого бы то ни было взаимодействия нашего с Петлюрой» (Деникин, Очерки, т. 5-й, стр. 257). Рядом с этим руководители русского белого движения приняли меры в том направлении, чтобы Союзный военный флот в Черном море не только не помогал Украинской армии при овладении Одессой, но чтобы Союзный флот огнем своих могучих батарей встретил возможное появление украинских войск в г. Одессе (там же).

Одну из серьезных мер для воспрепятствования

утверждению авторитета Украинского Правительства в глазах народной массы было стремление Деникина первому захватить Киев в свои руки. После поражения, понесенных красными в июле в боях с казаками на Днестре и на Ворскле и в боях с повстанцами, большевицкие войска, находившиеся в Полтавской губернии, были совершенно деморализованы и дезорганизованы. Командующий Екатеринославским районом генерал Ирманов в разговоре с представителями печати так оценивал положение на Украине в начале августа 1919 г.:

...“Положение в тылу советских войск безнадежное. Украина охвачена огнем восстаний. Население ненавидит коммунистов. Крестьяне с оружием в руках изгоняют большевиков. Состояние наших войск — блестяще. Особенно отличаются Кубанцы, наводящие панику на большевиков” (“Приазовский Край”, 14 августа 1919 г.).

Командование советскими войсками, носившими название 14-й советской армии, 30 июля послало своему высшему начальству следующее радиотелеграфное сообщение:

...Армия бежит, командный состав отсутствует. Мы катимся, как яблоко, и не известно, где остановимся”...

Повстанцы Черниговской губернии, руководимые атаманом Ангелом, держали в руках своих железную дорогу Киев-Нежин. 3-го августа большевики начали эвакуацию Киева, к которому с запада приближались украинские войска.

В это время главное большевицкое командование и командующий Южным фронтом красных все свое внимание сосредоточили на организации и проведении удара на казачьи армии со стороны Саратова-Балашова и между Воронежом и Белгородом (см. об этом ниже: “Ликвидация прорыва ударной группы генер. Селивачева”, “Героическая борьба Кавказской армии”, “Новая борьба за Донскую Землю”). 1-3 августа уже началась энергичное наступление двух сильных ударных групп красных войск против Кавказской (Кубанской) и Донской армий. Кавказская армия начала быстро откатываться на юг вдоль правого берега р. Волги. Большевики также прорвали левый фланг Донской армии и клин красных войск все глубже врезывался между Донской и Добровольческой армиями в направлении Валук-Кулянка и Харькова.

Деникину страшно хотелось захватить Киев и в то же время надо было спасти положение на главном фронте борьбы. Без казаков нельзя было обойтись на Украине и те же казаки нужны были для борьбы против красных армий на севере. Поэтому 1 августа было приказано Кавказской дивизии: а) Хоперской бригаде обеспечивать железно-дорожный узел Знаменка впрямь до смены Терскими пластунами, “после чего приступить к погрузке для отправления по новому назначению”, б) Партизанская бригада той же дивизии, как сказано выше, была брошена левым берегом Днестра на г. Черкассы, чтобы облегчить 7-й дивизии ген. Бредова продвижение на Киев (схема 10).

Несмотря на создавшееся весьма критическое положение между Белградом и Лискамаи в связи с прорывом красных войск, все же Кавказскую дивизию всю задержали на Днестре до тех пор, пока казаки не взяли Черкассы и Бобринскую. Какая нужда была в казаках, свидетельствует тот факт, что 7-го августа казаки захватили Бобринскую и в тот же день началась отправка частей Кавказской дивизии по маршруту Полтава-Харьков-Белгород, в район Гостишево-Проховки с целью спасения Харькова. Все же и после этого Волчий дивизион Кавказ, дивизии послали еще ближе к Киеву для занятия узловой станции Цветково, при чем “комкор приказал немедленно по занятии ст. Цветково отправит по желез. дороге Волчий дивизион в район нового сосредоточения Корпуса на станции Гостишево”.

Эти факты свидетельствуют о том, как русские хотели одну и ту же казачью дивизию использовать и для облегчения захвата Киева раньше Украинских войск и для спасения Харькова от красных русских войск.

После отправки 1-й Кавказской дивизии в район Харькова - Белгорода русское командование оставило 2-ю Терскую пластуноскую казачью бригаду в районе Бобринская-Цветково для дальнейшего наступления в сторону Киева правым берегом р. Днестра.

Южнее 2-й Терской бригады, в районе Новой Украинки и гор. Вознесенска действовали 2-й Лабинский и 42-й Донской казачьи полки (схема 10).

В то же время Украинская армия, успешно разбивая большевицкие войска, приближалась к Киеву с запада: 11 августа части Украинской армии заняли Фастов и Белую Церковь, 13 августа — г. Васильков и, наконец, 17 августа войска Украинской Народной Республики заняли Киев.

Приближение Украинской армии к Киеву вызвало невероятное волнение среди руководителей белого движения. 10-го августа корреспонденты русских газет обратились к командующему Добровольческой армией ген. Май-Маевскому с тревожным вопросом, не займут ли Киев украинские войска раньше русских. Ген. Май-Маевский ответил: “О взятии Киева Петлюрою не может быть и речи вследствие слабости его армии”. Эти “авторитетные” успокаивающие слова были немедленно опубликованы в русской прессе (см., например, “Приазовский Край”, 11 августа 1919 г.).

В то же время было приказано 7-й дивизии ген. Бредова всеми мерами ускорить марш на столицу Украины, тем более, что впереди этой дивизии не было сколько-нибудь значительных сил красных, всецело занятых борьбой против Украинской армии на правом берегу Днестра; например, сводка Добровольческой армии за 7-е августа отмечает: “Разведчики левой колонны 7-й дивизии в числе 20-ти человек лихим налетом заняли г. Перяслав” (схема 10).

Несмотря на все усилия, русские подошли к Днепру у Киева тогда, когда столица Украины уже была занята украинскими войсками. Все таки было приказано 7-й дивизии войти в Киев. Так как перед этим, как отмечено выше, командование Украинской армии, считая за главного противника красные войска, приказало украинским войскам уклоняться от боевых стычек с войсками Деникина, о чем хорошо было известно командованию 7-й дивизии, это важное обстоятельство облегчило задачу русских при вступлении 7-й дивизии 18 августа в столицу Украины.

Вызванный неразумной и захватнической политической вождей белого движения конфликт между антибольшевицкими казачьими армиями и Украинским народом явился одним из наибольших преступлений так назыв. русского белого движения.

Из приведенных уже документальных данных мы знаем, что только благодаря казачьему оружию были освобождены оба берега Днепра. Роль русских в этом деле была подсобная, обыкновенно они “закрепляли” города, освобожденные казаками или самим украинским населением. Известно также, что казаки в 1917, 1918 и в 1919 годах искали соглашения с Украиной, искали мира с нею, искали союза в борьбе против общего врага — красной России. Несмотря на все это, русские вожди, приписав казакам победы русскому оружию, пренебрегли волей казаков и украинцев и вступили в открытую войну с Украиной.

Свое презрительное отношение к украинскому освободительному движению русские белые запечатлели, между прочим, в документе, носящем название: “Обращение главнокомандующего к населению Малороссии”, вышедшем в свет 12 августа 1919 г. Это обращение было составлено, как говорит Деникин, “в управлении народного просвещения, при близком участии проф. Новгородцева”. Деникинское управление народного просвещения проявило всю свою культурность... в беспощадной ликвидации украинских школ всех ступеней.

Началась форменная свистопляска на Украине — закрывались государственные, земские и общественные школы, преследовались украинские организации и украинская печать, производились всюду аресты украинских учителей, кооператоров, журналистов, политических деятелей, срывались украинские флаги, уничтожались портреты украинских деятелей... Всюду насаж-

дались русские власти, с необыкновенным рвением бравшиеся за преследование всего украинского...

Советские войска 58-й, 47-й дивизий, оказавшиеся в мешке в районе Новой Украинки, Вознесенска, Ольвиополя, Бирзулы, решили пробиться на север к своим красным армиям.

Все попытки красных прорваться по железной дороге Одесса-Жмеринка, как мы знаем, разбились о сопротивление украинских войск.

Тогда большевики решили ударить вдоль линии желез. дороги Вознесенск-Ново Украинка-Бобринская-Черкассы. Оперативная сводка Добр. армии за 7-е августа отмечает большие силы коммунистов с 9 бронепоездами". На этом пути большевики встретили энергичное противодействие 42 Донского и 2 Лабинского конных полков. Сводка Штаба ген. Деникина за 16 августа говорит: "Ольвиопольское направление. Противник, при содействии бронепоездов, неоднократно переходил в наступление на Вознесенск; доблестные Донцы и Лабинцы разбили противника и обратили его в бегство, взято 500 пленных, 15 пулеметов и много оружия".

И после этого сводки почти ежедневно отмечают упорные бои в районе Ново Украинки, Плетеного Ташлыка, Ивановки, Софиевки и т. д. При чем в этих боях особенно отличились выше названные казачьи полки.

Потеряв надежду на прорыв по железной дороге на Жмеринку, а так же не прорвавшись по жел. дороге Ново Украинка-Бобринская-Черкассы, и убедившись в том, что не только не произошло объединения украинского и казачьего фронтов, но между войсками Деникина и Украины началась война, большевицкая группа войск, руководимая Кировым и др., решила пробиться на север между украинским и деникинским фронтами, в направлении Калиновка-Житомир, Искус-

но маневрируя и совершая большие переходы, большевики этой группы достигли своей цели и 5-6 сентября у гор. Житомир соединились с частями 12-й красной армии. "С момента прибытия этих частей, мы возобновили борьбу за Киев", говорят большевики ("Боевая работа Красной армии и флота". Под общей редакцией В. Антонова-Овсеенко и Б. Шапошникова. Москва 1923, стр. 59).

После ухода этой группы большевицких войск на север, между Днепром, Днестром и Черным морем остались войска Украинского Правительства, казаки, деникинцы и украинские повстанцы. Осуществляя свою политику, русские вступили в открытую борьбу с украинскими войсками. Оперативные сводки Добровольч. армии отмечают бои между русскими войсками и украинцами на железной дороге к северу от Одессы у станции Затишье, Перекрестово и т. д.; на железной дор. к западу от Ольвиополя у ст. Любашевка; в районе жел. дор. к западу от Цветково, в Гайсинском направлении и т. д. На Уманском направлении действовали 42-й Донской и 2-й Лабинский казачьи полки, а на Казатинском — 2-я Терская пласт. бриг. (Схема 10).

Так казаки связавшись с русским белым движением и подчинив свои войска русскому генералу, постепенно втягивались в явно ненужную со всех точек зрения войну с Украиной. При чем русские вожди, вбивая клин между Казачеством и Украиной, направили непосредственно против Украинской армии казаков всех трех Войск, находившихся в их распоряжении: Донцов, Кубанцев и Терцев. Эта новая война казаков против Украины была тоже одной из причин страшной трагедии, которую переживает ныне Казачество в СССР и за границей. Эта же война вызвала тогда большую радость среди большевиков.

(Продолжение следует)

А. Ленизов.

Кровавые события в Яицком Войске в 1772 году

"То старина, то и деянье:
Морю Каспию на утешенье,
Быстрому Яику слава до моря,
Добрым людям на послушанье,
Яицким казакам на потешенье"...
(Старинная казачья песня)

Многое забыто казаками, многого не знают казаки, а еще больше сокрыто от казачьего взора стараниями российских официальных историков в области истории Казачества. Одним из малоизвестных событий является и волнение Яицких казаков в 1772 году, о чем мы и поведем речь.

Расстрел Яицкого Войскового Круга в 1766 году, произведенный драгунским полком по приказанию генерала Черепова, командующего войсками Оренбургского Края, открыл Яицким казакам глаза и они убедились, что искать справедливости не приходится у Военной Коллегии, которой было подчинено тогда Яицкое Войско. Действительно, Войсковой Атаман Бородин был отрешен от должности, и на его место был выбран другой Тамбовцев, но все старшины остались на своих местах и произвол продолжал господствовать в Яицком Войске. Недовольство казаков по адресу Войскового Атамана и старшин росло с каждым днем и Военная Коллегия начала опасаться восстания Яицких казаков!

Учитывая обстоятельства времени, Военная Коллегия командировала из Петербурга на Яик двух офицеров, именно генерала фон-Траубенберга и капитана Дурново, вменив последним в обязанность примирить казаков с старшинами, причем генерал фон-Траубенберг должен был защищать интересы Войскового Атамана и старшин, а капитан Дурново — интересы казаков.

Казаки, однако, не желали слушать никаких посулов и обещаний, и требовали от капитана Дурново, чтобы он в Войсковом Круге прочитал конфирмацию Военной Коллегии от 1765 года, согласно которой все

старшины, осужденные за лихоимство и взяточничество, отрешались от занимаемых должностей. Семь долгих лет ожидали казаки этого и не дождались; старшины же, чувствуя свою силу, насмехались над казаками, и продолжали попрежнему издеваться... Капитан Дурново отверг все справедливые требования казаков, и потакал во всем старшинским претензиям.

Из состава депутации, посланной Яицкими казаками в Петербург, ходатайствовавшей перед Военной Коллегией о смещении осужденных старшин, возвратился тем временем в Яицкий городок сотник Кирпишников. Войсковой Атаман Тамбовцев и старшины, узнав о приезде последнего, послали старшину Бородину и дьяка Суетина с командой арестовать сотника Кирпишникова. Жена последнего, заявив, что ее мужа нет дома, заперла двери, и не пускала пришедших которые пытались разбить двери. Сбежавшиеся казаки пробовали уговорить старшин отказаться от мысли арестовать Кирпишникова, но старшины приказали караулу обнажить шашки и арестовать ряд казаков, которые были доставлены на аркане в войсковую канцелярию. Подобный произвол вызвал большое возмущение среди казаков, которые, в свою очередь, схватили казака Копеечкина, бывшего на стороне старшин и ведшего на аркане арестованных казаков, избили его и посадили под арест в доме казака Толкачева.

Казаки, собравшись в большом числе и обсудив создавшееся положение, составили и подали капитану Дурново жалобу на противозаконные действия старшин, предложили ему освободить арестованных казаков, а также привести в исполнение конфирмацию Военной Коллегии об отрешении с должностей осужденных старшин. Однако, капитан Дурново не внял этой просьбе, арестовал всех казаков, принесших ему жалобу, и потребовал освобождения казака Копеечкина, которого казаки обещали выпустить на свободу лишь по освобождении старшинами арестованных казаков,

Возмущению казаков не было границ и они, собравшись в огромном количестве, решили идти всем Яицким Войском к Дурново, и настоять на увольнении осужденных старшин. Генерал фон-Траубенберг и капитан Дурново приказали казакам разойтись по домам, но последние наотрез отказались и, несмотря на зимнее время, ночевали на улице.

Утром 13-го января 1772 года казаки, собравшись всем Войском в Круг, решили требовать отрешения осужденных старшин в самой категорической форме. сообразно чему командировали вновь особую депутацию к капитану Дурново. Последний заявил присланным, что отрешит старшин лишь через неделю!.. Возмущенные казаки решили больше не ждать и, вооружившись кто чем попало (шашками, палками, топорами и т. д.), двинулись всем Войском к капитану Дурново. Последний совместно с генералом фон-Траубенбергом послали донесение в Оренбург о том, что Яицкое Войско взбунтовалось, приготовив на месте драгунский полк и артиллерию для встречи казаков.

Казаки послали одного попа и казака Шигаева к генералу фон-Траубенбергу и капитану Дурново уведомить последних, что Яицкое Войско отнюдь не взбунтовалось, а просит лишь немедленно отрешить осужденных старшин. Капитан Дурново, отказываясь выполнить просьбу казаков, приказал им немедленно разойтись по домам, угрожая в противном случае расстрелять их из орудий. Казаки не испугались угрозы, тогда генерал фон-Траубенберг и капитан Дурново приказали стрелять из пушек. Но казаки не утрастились, а бросились прямо на орудия, которыми и овладели после короткой ожесточенной схватки, разбив наголову драгунский полк. Генерал фон-Траубенберг был изрублен казаками в буквальном смысле на куски, капитан Дурново тяжело ранен ударами дубин, сверх того до шестидесяти старшин и драгун погибло под ударами казачьих шашек. Казаки, изрубив Войскового Атамана Петра Тамбовцева, вытащили его за волосы на двор, разрезали грудь и вырвали сердце.

П. Л. Макаренко.

Рецензия на книгу ген. штаба полк. проф. А. Зайцова „1918 год”

(Продолжение).

Сравним теперь события на Дону с событиями на Кубани.

9-го февраля Добровольческая армия принуждена была покинуть г. Ростов и уйти в ст. Ольгинскую, что на южном берегу р. Дона. 15-го февраля Добр. армия ушла далее на юг — на ст. Кагальницкую и ст. Мечетинскую, приблизившись к самым северо-восточным границам Кубани.

Что происходило в это время на Кубани? 11-13 февраля работал в ст. Уманской антибольшевический Съезд представителей казачьего и неказачьего населения всех страниц Ейского отдела. Этот Съезд не признал советской власти. 15-16 февраля в ст. Брюховецкой заседала Черноморская Казачья Рада, состоявшая из выборных представителей 62 станций почти всей северной половины Кубани. Эта Рада вынесла резко противобольшевические постановления.

Киев пал 5 февраля, Ростов перешел в руки большевиков 9-го февраля, а в это время потопки Запорожья еще держали Черноморью в своих руках и только в ночь под 1-е марта Куб. Атаман, Правительство и Законодательная Рада оставили Екатеринодар, продержавшись в нем три недели после падения Ростова.

Не следует при этом упускать из виду то, что через Кубань двумя потоками шли самовольно демобилизовавшиеся части Кавказской армии, широко использованные большевиками для борьбы с казаками (например, 39-я дивизия, Ширванский полк и т. д.).

Только 14 февраля, благодаря „политике Кубанского Атамана Филимонова, капитан Покровский, произведенный сразу в полковники, попал в командующие Кубанскими войсками. Гибельные последствия этого ша-

На следующий день, собравшись на Войсковой Круг, казаки убили в Кругу дьяка Суетина. Подобным же образом казаки расправились и с старшинами и с представителями Военной Коллегии.

Не утрастились казаки и последующих репрессий чиновного Петербурга. Отслужив молебен в Кирсановской церкви Яицкого городка о даровании им победы над врагом, казаки выступили в мае 1772 года в поход против многотысячного отряда генерала Фреймана, отправленного из Оренбурга для их усмирения. Но, судьба была жестока к казакам, они потерпели поражение...

Указом Яицкому Войску от 4 июня 1772 года Екатерина П окончательно уничтожила остатки казачьего самоуправления. „Сим Высочайше вам запрещается, до будущего Нашего указа, сходиться в Круги по прежнему вашему обыкновению”. Следующего разрешительного указа, однако, не последовало; наоборот, Екатерина П определила 4 марта 1773 года „Войсковой канцелярии и Войсковому Кругу, которые по Высочайшему Нашему Имперского Величества указу, уже отрешены, не быть навсегда”... После гибели Петра Тамбовцева, последнего выборного Атамана в Яицком Войске, последним стало управлять комендантское управление в Яицком городке, во главе с полковником армейской пехоты Симоновым.

Заканчивая настоящий краткий очерк, подчеркнем, что имеется еще очень большое число различных эпизодов и моментов из истории Казачества, которые или малоизвестны, или совсем неизвестны современным казакам. История — учительница жизни, учили древние римляне. Посоветуем же и казакам прилежнее просмолетреть и подучить очень и очень многие страницы из казачьей истории, провести известную параллель между прошлым и настоящим Казачества, дабы в наступающие отрядные дни предстать во всеоружии фактов и данных и тем самым попытаться обрести лучшую долю для многострадального, многотерпящего Казачества!

га сказались очень скоро — 17 февраля было пропито Тихорецкое направление (Деникин. Очерки, т. 2-й, стр. 244-248; „Белое Дело”, т. 2-й, выше упомянутая статья А. П. Филимонова; „Казачьи Думы”, номер 7; „Трагедия Казачества” ч. 1-я, стр. 73-80).

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что против назначения Покровского на пост Командующего Кубанскими войсками весьма горячо протестовал Кубанский военный министр ген. штаба полк. Успенский (после назначения Покровского на этот пост полк. Успенский немедленно подал прошение об отставке). Протестовал также весьма видный на Кубани Кондрат Бардиж.

Обратимся теперь снова к книге полк. А. Зайцова. Там читаем следующее:

„Кубанскому Правительству к концу 1917 г. пришлось прибегнуть к формированию добровольческих (преимущественно из офицеров и юнкеров) отрядов, во главе которых стал военный летчик — капитан Покровский” (стр. 44);

„когда же Новороссийский ревком в ультимативной форме потребовал 17 января пропуска советских эшелонов с оружием, установления в Екатеринодаре советской власти и разоружения войск Кубанского Правительства, атаман Филимонов вынужден был вручить судьбу Кубани в руки вождя кубанских добровольцев военного летчика капитана Покровского” (стр. 79).

„вечером 18 января Филимонов, призвав к себе Покровского, сказал: „Делайте все, что возможно, требуйте от меня, что в силах и власти моей, но спасите положение. Вся надежда только на Вас” (стр. 79).

“Покровский, с отрядом в две пеших сотни при пулеметной команде и двух орудиях, последовательно разгромил Новороссийских большевиков под Энемом и ст. Георгие-Афипской и отогнали их к ст. Тоннельной...

“Покровский перебросил свои отряды к северу от Екатеринодара на Тихорецкую и Кавказскую железные дороги. Отбивая большевиков у ст. Выселки и Усть-Лабинской, Покровский со своими добровольцами продержался там до начала марта”... (стр. 80).

Словом, согласно “научно-объективным” писаниям полковника А. Зайцова, все дело защиты Кубани в первый период борьбы было организовано Покровским и его добровольцами. Нет никакого сомнения в том, что нарисованная полк. А. Зайцовым картина борьбы на Кубани во многом совершенно не соответствует действительности. Больше того, именно назначение Покровского на пост командующего Кубанскими войсками было одной из главных причин преждевременного оставления г. Екатеринодара Кубанскими властями и наступившего потом беспомощного блуждания за Кубанью (“Траг. Казачества”, ч. 1, стр. 77-91).

Русские добровольцы, в незначительном числе, поступали в Кубанские отряды, но все же объективный исследователь должен признать, что вся тяжесть борьбы с большевизмом на Кубани, в первый период, естественно, пала почти исключительно на плечи Кубанских офицеров, казаков и черкесов. Картина же, нарисованная рукой полк. А. Зайцова, может быть, и приятна русскому патристическому сердцу, но кубанская действительность в ней искажена в большой степени.

Доведя рассмотрение первого периода борьбы с большевизмом на всем пространстве бывшей Российской империи до второй половины февраля 1918 г., полковник А. Зайцов пришел к целому ряду общих выводов (стр. 64). Он между прочим утверждает, что в феврале 1918 г. “Оренбургские и Уральские казаки принуждены были уйти в степи” (стр. 64).

Это утверждение не соответствует действительности. Хотя 18 января 1918 г. войска Оренбург и был сдан большевикам, но Войсковой Атаман полк. Дутов и Войсковое Правительство из пределов Земли Войска Оренбургского тогда еще не уходили, а переехали в гор. Верхнеуральск и там в феврале собрали Войсковой Круг.

На территории Оренбургского Войска Атаман Дутов и Правительство “держались до весны, нанося большевицким отрядам неоднократные поражения”, свидетельствует ген. И. Акулинин (статья И. Акулинина: “Оренбургское каз. войско в борьбе с большев.”, “Казачьи Думы” за 1924 г., номер 21 (5), стр. 5).

Уральские же казаки в то время (февраль 1918 г.) своей столицы не оставляли, массово в степи не уходили. Да и самый вооруженный натиск на Уральское Войско начался только с марта 1918 г., поэтому не было никакой внешней причины для ухода в степи. Весной и летом 1918 г. Яицкие казаки вели весьма успешную борьбу: в марте против отдельных большевицких отрядов, проникавших на войсковую территорию; в апреле-мае — против “Особой армии”, в июне-июле — против 4-й советской армии (ген. И. Г. Акулинин: “Уральское каз. войско в борьбе с большевиками”. “Белое Дело”, т. 2-й стр. 122-123; И. Кутяков. С Чапаевым по Уральским степям. Москва. 1928; “Гражданская война 1918-1921”. Москва, т. 1, стр. 123-134; журнал “Вольное Казачество — Вильне Козацтво”, номер 159).

Офицеру генерального штаба, к тому же и профессору, полк. А. Зайцову совершенно не приличествует такое поверхностное и невнимательное отношение к истории борьбы целых казачьих Войск.

Хотя и приятно, быть может, русскому сердцу представить в самых мрачных красках общую картину борьбы против большевизма в феврале 1918 г., чтобы на ее фоне можно было порельефнее изобразить “непримиримую в своем желании вооруженной борьбы лишь горсть бойцов Добровольческой армии”, но все же не следует на бумаге уводить в степи Яицких и Оренбургских казаков в то время, когда первые еще крепко держали в своих руках всю свою землю, а вторые в

пределах своего Края организовывали и фактически вели борьбу против большевиков.

Вообще же не соответствует действительности утверждение полк. А. Зайцова, что к концу февраля 1918 г. (нов. ст.) “оставалась непримиримой в своем желании вооруженной борьбы лишь горсть бойцов Добровольческой армии, ушедшая в Задонские степи” (стр. 64). Прежде всего сама армия, согласно утверждению полк. Зайцова, “на одну треть состояла из Донцов, на две трети из офицеров, юнкеров и добровольцев” (стр. 78). Во-вторых, одновременно с Добровольческой армией в Задонские степи направился, не признавший советской власти ген. П. Х. Попов с отрядом “в общем около двух тысяч коней при двух конных батареях”, в-третьих, в то время войска Кубани еще защищали столицу Края, и Кубанский Атаман, Правительство и Законодательная Рада ушли с войсками из Екатеринодара только в ночь под 1-е марта с целью продолжения борьбы (Зайцов, стр. 80). Утверждение полк. Зайцова неверно и потому, что борьбу против большевизма продолжали все западные, южные и восточные нерусские народы бывшей России.

Это утверждение полк. Зайцова тем более не правдиво, что перед этим сам же он пишет: “Таким образом, к середине января 1918 г., от Украины через Дон и Кавказ до Оренбурга, окраины не признавали власти советского центра и более или менее успешно стремились организовать вооруженное сопротивление” (стр. 45).

У нерусских народов была воля организовать борьбу с советской властью. В течение одного месяца воля народов переменить не могла и фактически не переменялась. Несколько позже, в том же 1918 г., многие из нерусских народов и формально провозгласили свою государственную самостоятельность. Что русские Муравьевы, Антоновы, Саблины, Петровы и им подобные в феврале 1918 г. захватили было Киев, Новочеркасск и Оренбург, это сути дела не меняет. Могут же русские восторгаться подвигами горсти добровольцев, хотя вся Великобритания, т. е. настоящая Россия находилась тогда в полномасштабном распоряжении большевиков и никто и нигде на этой территории организованных антибольшевицких вооруженных выступлений в то время не предпринимал. Русские генералы скопились на Дону. Когда же красная рука их конкурентов по властвованию в России просунулась до р. Дона, генералы ушли подальше от русского центра — на Кубань.

Полк. Зайцов восхваляет горсть добровольцев, хотя, как он же говорит, “за три с половиной месяца своего существования советская власть освоила почти всю территорию бывшей Российской Империи”.

Почему же Россия так легко стала советской? Почему только “окраины” оказывали сопротивление большевикам? Почему все русские организаторы антибольшевицкой борьбы не могли удержаться в Великобритании и уходили с русской территории к казакам и вообще “на окраины”?

Полк. Зайцов довольно подробно останавливается на освещении тех мотивов, которые привели руководителей Добровольческой армии к решению направиться на Кубань, а не в Маньчжунские и Сальские степи (стр. 69-74). При этом отмечает:

“И в письме к генералу Корнилову (12 февраля), и в разговоре с ген. Лукомским в Ольгинской, и на заседании Военного Совета 13 февраля, генерал Алексеев думал о возможной “ликвидации” Добровольческой армии. С этой точки зрения Кубань сливалась с “Кавказскими горами”, конечно, более подходящими “для распыления”, чем расположенные на перепутьи между Доном и Кубанью зимовники в Задонье... Повидимому мнение генерала Алексеева верно отражало настроение некоторых верхов Добровольческой армии” (стр. 73-74).

Очевидно, скажем мы, более опытные генералы уже тогда сознавали, что “белое” дело проиграно, что русский народ в своем подавляющем большинстве стал “красным”.

Выше мы привели данные бывшего начальника гарнизона г. Ростова, генер. Черноярова, о численном

составе Доб. армии к середине января 1918 г.: отряд добровольцев тогда насчитывал всего 1440 человек. Полковник Зайцов те же силы, приблизительно в то же время, определяет в полторы-две тысячи человек.

Добровольческая армия вышла из Ростова 9-го февраля в 1-й поход. Нет никаких объективных данных, которые позволяли бы предполагать значительное увеличение числа бойцов Добр. армии за время, протекавшее от половины января до 9-го февраля. Следует отметить, что у самих руководителей Добр. армии не было хотя бы приблизительных данных об общем количестве людей (бойцов и "ртов"), ушедших на юг из Ольгинской в составе Добр. армии: "Генерал Лукомский считает, что общая численность Добровольческой армии в этот период не превышала трех с половиною тысяч человек" (т. 2, стр. 7); ген. Деникин говорит о "Добровольческой армии с ее пятью тысячами ртов" (книга Зайцова, стр. 71); полк. Зайцов говорит, что при выходе из Донской обл. в Лежанку Добр. армия не превышала по численности 4 тысяч бойцов при 8 орудиях (стр. 77). "Чисто пехотная по составу, чрезвычайно слабо снабженная техникой, обремененная чрезмерным обозом, организационно, Добров. армия менее всего подходила к выполнению тех задач, которые предстояли этому "корволанту", заключает полк. Зайцов (стр. 77-78).

25 февраля Добр. армия вошла в пределы Кубани, а 11-17 марта соединилась с Кубанской армией. Во время похода Добр. армии по кубанским станицам к ней присоединялись кубанские казаки, например, в ст. Незамаевской — 140 человек, в районе Выселок человек 400-500 казаков станицы Брюховецкой...

В момент соединения с Кубанцами 17 марта Добр. армия имела 2770 бойцов (В. Мельниковский. "Казачьи Думы", ном. 8 за 1923 г.). Если к этому числу прибавить общее количество кубанцев, присоединившихся к Добр. арм. во время ее передвижения по Кубани, можно прийти к выводу, что при выходе с Дона в Добровольческой армии было не более 2200-2500 бойцов, а в том числе четвертую часть составляли донцы.

С такими силами Добр. армия, конечно, не была способна на значительные самостоятельные действия, что признает и полк. Зайцов.

Для сравнения отметим, что отряд Кубанского Правительства в момент соединения его с Добр. армией насчитывал 3150 бойцов (там же).

Под давлением непреодолимых обстоятельств руководители Добровольческой армии принуждены были пойти на подписание, 17 марта 1918 г., известного соглашения с Кубанью, согласно которому русские генералы подписали по существу признание самостоятельности Кубанского Края, а кубанцы признали единое общее командование генерала Корнилова, казака Войска Сибирского.

Не может быть сомнений в том, что только соединение с кубанцами спасло Добр. армию от неизбежного распыления или даже гибели. Хорошо это понимали тогдашние руководители Добр. арм., почему так и исколесили Кубань в поисках возможности соединения с кубанскими войсками. Поэтому невозможно читать без удивления рассуждения полк. Зайцова на тему о том, "не слишком ли дорогой ценой было куплено право амальгамы" (соединение добровольческих частей с кубанскими и их перемешивание)... "не была ли амальгама той чечевичной похлебкой, за которую Добр. армия променяла право своего общероссийского первородства на первенствующую роль на Кубани" и т. д. (стр. 84-86).

Соединившись с русскими силами, кубанцы потеряли так необходимую для успешной борьбы свободу действий. Это объединение перетворившееся потом в объединение всего юго-восточного Казачества с русскими силами, как известно, явилось одной из главных причин страшного провала всей освободительной войны Казачества. Сотрудничество казаков с русскими спасло один из центров русской контр-революции, дало возможность этому центру продержаться еще целых два года на поверхности клочущего моря борь-

бы. И это же соглашение и сотрудничество привело Казачество на край пропасти.

Когда руководители Добровольческой армии, через посланный на Дон раз'езд, получили совершенно точные и достоверные сведения о том, что Дон восстал, они поспешили направить в пределы Дона Кубано-Добровольческий отряд, по пути пополнявшийся кубанскими казаками. 20-21 апреля эти войска, со всем политическим русско-кубанским громоздким багажом, вошли в пределы Дона.

Сама жизнь поставила вопрос о взаимоотношениях Дона и Добровольческой армии. Русские генералы настаивали, конечно, "на подчинении донцов Добровольческой армии" (Зайцов, стр. 161). Донцы решительно отвергли эти претензии, совершенно правильно полагая, что "что касается Верховного Командования, то такое же на территории Донского Войска должно принадлежать только Войсковому Атаману".

"Дон и Добровольческая армия оставались на положении двух, даже не союзников, а лишь "попутчиков", правильно констатирует полк. Зайцов (стр. 161).

Далее полк. Зайцов признает, что Дон тогда был самостоятельным государством (стр. 153). В то же время, решительно расходясь с истиной, полк. Зайцов говорит, что будто бы Дон в 1918 г. не считался с принципами народоправства (стр. 152-153). Согласно Донской конституции 1918 г. вся полнота власти на Дону принадлежала Большому Войсковому Кругу, который избрал Атамана и мог в любое время удалить его; Круг же устанавливал все основные законы Донской Республики. Когда Круг не заседал, вся полнота власти принадлежала Войсковому Атаману, подотчетному Кругу.

Автор книги "1918 г." дает, в общем, правильную оценку быстрого возрождения государственной жизни на Дону в 1918 г. и организации защиты Донской Республики от красных войск. "Всего, к июлю, говорит полк. Зайцов, Дон выставил армию ополченского типа на фронте в 50 тысяч и обучал в тылу регулярную армию в 20 тысяч. Таким образом, общая численность Донской армии летом 1918 г. доходила до 70 тысяч бойцов. 100-150 штыков, бывших в распоряжении Атамана Каледина в день его смерти, через пять месяцев обратились в армию, по численности равную тому, что выставил Дон и во время мировой войны" (стр. 167)).

И далее полк. Зайцов пишет: "Быстрога возрождения Дона в связи с обеспечением его левого фланга немцами и его возможностями в смысле величины Донских ополчений делала его грозным прогнзником Москвы. Грозным, но не активным, в силу малой вероятности движения донцов на Москву" (стр. 191).

Естественно, у русских Москва гнездом засела в голове. Русская контр-революция не имела своих сил для завоевания Москвы и, не сумев повести за собой Казачество, до сих пор высказывает недовольство казачьей политикой. Донские казаки и не собирались завоевывать Москву, а только активно защищали неприкосновенность и своих вольностей и своей территории.

Полк. Зайцов еще в начале своей книги "1918 г." правильно сказал: "И действительно, вся история нашей гражданской войны указывает на ту громадную роль, которую сыграло в ней наше Казачество, быстро после первых колебаний понявшее, что без вооруженной борьбы ему своих вольностей и своей самобытности от большевиков не отстоять" (стр. 10).

Действительно, Казачество, с присущей ему доблестью и необыкновенным упорством, дралось с наступающими на Казачьи Земли красными армиями. Но "сохранение отбитых у большевиков с боем границ Дона требовало захвата ряда пограничных узлов", говорит полк. Зайцов. "Однако, в сознание рядовой казачьей массы это проникало с трудом. Дойдя до "границ", дальше казаки идти не хотели" (стр. 203).

Почему дальше "границ" казаки идти не хотели? Да просто потому, что проводили не завоевательную, а оборонительную политику; потому, что не хотели помогать русской контр-революции в ее затее, как и решительно не хотели допустить на свою Землю силы "красной" России.

Кажется, что полк. профессор А. Зайцов, взявшись писать научно-объективно о прошлых событиях, все же еще не смог в полной мере понять основную линию поведения Казачества, сводящуюся к простому положению: чужого не хочу, но и своего не отдам.

Хотя еще в предисловии к книге "1918 г." полк. Зайцов и говорит, что "слишком велика была наша ставка для того, чтобы не стремиться найти и понять причины нашего конечного поражения и извлечь из этой войны опыт для будущего", но, как видно, он еще не совсем уяснил себе самую суть борьбы, происходившей в 1918-1920 годах: никто не был в силах заставить не русские народы идти воевать за идеалы и интересы русской контр-революции, это во-первых; силы, самой русской контр-революции были слишком слабы, чтобы превозмочь силы "красной" России; "красная", большевицкая Россия не отказалась от завоевательной политики императорской России; некоторые нерусские народы в 1918-1920 гг. проиграли основательную войну в силу следующих основных причин: а) слабости национального самосознания в широких народных массах, б) недостаточной подготовки лиц, событиями выдвинутых тогда на положение руководителей национальных движений, в) огромной путаницы и даже измены и предательства, которые внесла в борьбу значительно обрусевшая интеллигенция этих народов, г) несогласованность действий нерусских народов, д) отсутствие внешней помощи народам, борющимся за свое освобождение от власти России и, в то же время, получение колоссальной иностранной помощи силами русской контр-революции...

Только после понесенного страшного поражения, только после 1920 г. и в СССР, и за границей интеллигенция нерусских народов постепенно и с трудом, иногда в "болезнях", осознает свое истинное место в национальных освободительных движениях своих, родных народов; только при большевицкой власти миллионные массы нерусских народов СССР, тяжелейшим, кровавым путем, убеждаются в том, как страшно они ошиблись в 1917-1920 годах, поверив большевикам и выпустив из рук единственно спасительный меч.

"Но не везде победили и красные", пишет полк. Зайцов. "Финляндия, Эстония, Латвия и Польша отстаивали свою независимость" (стр. 7), хотя, добавим мы, против независимости этих народов и боролась "красная" Россия; хотя, правда незначительная, часть этих народов шла с русскими большевиками или с русскими "белыми"; хотя, как правильно говорит полк. Зайцов, "белые... стремились к возрождению Российского Государства в пределах и формах до-октябрьского переворота; широкая автономия Польши и Финляндии были по существу максимумом допуславшихся ими уступок центробежным устремлениям" (стр. 8).

Были и у большевиков латышские полки и даже дивизия, были эстонские полки и дивизия, были финские и польские большевицкие батальоны... Было достаточное число коммунистов из этих народов в составе русской коммунистической партии, иногда эти коммунисты играли весьма видную роль в царстве Ленина... Но все же западные народы, независимо от их численной силы, отстаивали свою независимость. Национальный дух победил. Победило стальное желание добыть государственную самостоятельность.

Сам полк. А. Зайцов ставит между прочим такой вопрос: "Что же представляли собою в это время (весною и летом 1918 г.) **внутренние контр-революционные силы в самой советской России?**" (стр. 142).

И сам же дает такой ответ: "Силы эти состояли из стремившегося с'организоваться офицерства и ряда политических организаций. По идее, офицерство должно было представлять собою активные силы, а политические организации должны были этими силами руководить. Представлявшие реальную силу, офицерские организации ждали руководства и указаний со стороны политических группировок, а последние спорили об "ориентациях", о формах будущего устройства России, писали записки и совещались с иностранцами. Одни ставили на немцев, другие — на союзников, но никто... на себя самих. Офицерские организации искали воз-

главителей и ожидали решений политических центров. Центры ничего решить не смогли, а офицерские организации так и не выступили... Еще с начала 1918 года образовались так называемые "правый" и "левый" центры. Первый составил из несоциалистических элементов, во втором преобладали социалисты. Вскоре, однако, в середине июня, по вопросу об "ориентациях" правый центр раскололся на два "центра" — "правый", настроенный монархически... и на "национальный"... (стр. 142). ... "Технически организации эти были обставлены явно неблагополучно. Так например, военным специалистом правого центра был ген. Цихович, кстати в 1920 году уже занимавший пост члена высшей аттестационной комиссии **красной армии**" (стр. 143)... "Не менее безотрадное впечатление производил и "национальный центр"... Болтовня 1917 г. продолжалась и при большевиках".

Добровольческая армия в начале июня 1918 г. послала в Москву ген. Казановича. Один из инициаторов организации "Союза Возрождения России", генерал Болдырев, между прочим говорил ген. Казановичу: "Видите ли, сказал он, у нас войска настоящего еще нет, а намечены начальники и штабы, которые должны принять на себя руководство, когда начнется восстание, но там происходит какая то ерунда" (стр. 144).

"Нужно заметить", подчеркивает полк. Зайцов, "что разговор этот происходил в конце июня, то есть месяц спустя после чешского выступления". (Имеется в виду выступление Чехо-словацкого корпуса, перед этим захватившего всю железную дорогу от р. Волги до гор. Владивостока).

"Основной вопрос — денежной помощи активным силам контр-революции, внутренние группировки России были также бессильны решить, как и их прародитель — "Своег" на Дону в январе 1918 г. "У московских капиталистов", пишет ген. Казанович, "я наталкивался на один ответ: у нас самих нет денег".

"Хуже всего было, однако, то, что эти немощные группировки, бездействуя сами, мешали и тем, кто действовал", с грустью пишет полк. Зайцов (стр. 144).

О российских организациях руководитель Добровольческой армии, ген. Алексеев, 26 июня 1918 г. писал ген. Деникину следующее: "Фактического единения в мыслях, целях, задачах... между "центром" не существует. Не меняются только жажда власти, стремление получить в свои руки денежную помощь от союзников и тяготеть над работой и существованием Добровольческой армии" (Зайцов, стр. 145).

"Важно то, что Савинков все таки был единственным активным работником в центральной России летом 1918 г. И печальный факт, что в ту пору в центральной России единственным активным работником оказался авантюрист с.-р. Савинков, лучше всего характеризует всю немощь и безволие внутренне-политических группировок контр-революции" (Зайцов, стр. 146).

Однако, "слишком левая" для большинства офицерских кругов, являвшихся основным ядром Добровольческой Армии, она была слишком "правой" для борющихся с большевиками окраин. На кого же могла опираться такая программа в стане русской контр-революции? Ответ на это дает весь ход нашей гражданской войны. Ярких политических лозунгов, могущих объединить все контр-революционные силы (без чего победа была невозможна) Добровольческая армия в 1918 году не дала, совершенно объективно пишет полк. Зайцов.

Об эсеровском восстании в Москве в июле 1918 г. полк. Зайцов говорит: "...Все в этом восстании как то несерьезно и в то же время оно показывает, насколько шаткой в июле 1918 года была власть советов даже в ее цитадели Москве и среди ее собственной политической полиции в лице ВЧК... Мятеж был подавлен выступлением батальона латышей с батареей в течении первых суток... Мятеж левых эсеров не имел никаких корней и в стране" (стр. 206).

О Петроградском восстании у автора книги "1918 г." читаем:

"Одновременно с Москвою, совершенно ничтожное по размерам восстание было организовано левыми эсерами и в Петрограде (в Пажеском корпусе), без

труда подавленное в тот же день (7-го июля)” (там же).

О попытке командующего Восточным большевистским фронтом, полк. Муравьева, полк. Зайцов пишет: “Московское восстание все же имело некоторый резонанс. Действительно, главнокомандующий Восточным фронтом Муравьев, хотя и призывал 9-го июля в своем приказе войска “к исполнению своего революционного долга”, но в то же время сам бежал из Казани в Симбирск, где объявил о своем объявлении войны Германии при сохранении советской власти, потребовал поддержки местного совета и “приказал войскам своего фронта перестроиться на запад и двигаться на Москву. Поддержки себе Муравьев ни в ком не нашел и вынужден был застрелиться” (стр. 207).

“Во всем этом выступлении, начиная от Москвы и кончая Муравьевым, каким то странным диссонансом звучит мотив борьбы не столько с большевиками, сколько с немцами”, констатирует полк. Зайцов (там же).

И неудивительно, что автор книги “1918 г.” пришел к таким выводам: Внутренние силы русской контр-революции в советской России были близки к нулю и на них контр-революция рассчитывать не могла” (стр. 149).

Должно быть признано, что при оценке антибольшевистских внутри-русских сил полк. А. Зайцов проявил достаточно объективности и даже гражданского мужества, чтобы не постесняться нанести удар по творимой легенде о ненависти русского народа к советской власти, о повсеместных восстаниях внутри России в 1918 г. и т. д.

Пусть вспомнят теперь казаки, что им преподносилось в русской печати в 1918 г., издававшейся на Казачьих Землях. Пусть вспомнят, как обманывали казаков вымышленными сообщениями о повсеместных восстаниях в России. И пусть сравнят с тем, что теперь пишет полк. Зайцов.

(Окончание следует)

Е. Булавин.

Штрихи из Казачьей жизни

(Воспоминания)

Я — молодой казак, вольноопределяющийся, конвоец, — нуждаюсь в некоторых книгах, а по военным законам — каждый “нижний чин” может иметь книги только с разрешения командира сотни (роты, эскадрона или батареи). Вот я и обращаюсь к своему командиру сотни, чтобы он “подписал” эти книги...

— Это для чего? спрашивает он.

Даю объяснение: на основании устава, начиная со слова: каждый нижний чин и т. д.

И вот слышу в ответ:

— А... а... К черту это!... Все это касается нижних чинов, значит — русской солдатни, а мы казаки и нас это не касается...

И, как будто задетый за живое, командир сотни делает распоряжение: выписать прямо в столовую-читальню одну петербургскую газету и одну московскую... Кроме того, в читальне появилось несколько сельско-хозяйственных журналов и книг, уже выходящих за пределы ограничительных военных законов, до Герцена включительно, не говоря уже о декабристах о которых читали все в сотне кого интересовала иная жизнь, кроме “так точно” и “никак нет”.

Командиром этим был честнейший и благороднейший казак, флигель адъютант есаул Андрей Семенович Жуков, Кубанского Войска (хоперец). Он первый предложил мне просьбу книгу: история Хоперского полка...

И вот “обласканный при дворе” (Андрей Семенович в чине под’есаула был пожалован флигель адъютантом — офицером свиты), он, как сказано выше, высоко держал свое казачье имя. Он как то умел подобрать себе и помощников; достаточно вспомнить есаула Ращипиля, Георгия Антоновича (ныне убитого), под’есаула Шведова (расстрелянного большевиками в Есентуках) и, в особенности, с чувством признательности вспоминаю Белого Вячеслава Васильевича, жизнь которому сохранил Аллах. Вот офицеры казаки, которых вспоминает с благодарностью каждый, кто только с ними соприкасался.

В последние годы перед войной казачья служба была втиснута в такие же строгие и нездоровые военные рамки, как и служба всей русской “крупы”. Этому много способствовали наши же офицеры, по воспитанию и образованию — калеки казачьего духа...

Наше несчастье в том, что сопротивление против общерусской “регламентации” оказывалось очень немногими казаками.

Провожая меня из Петербурга, А. С. Жуков говорил так: поцелуйте за меня знамя Хоперское, я тоже там начал службу... Ну, а если чтонибудь случится в любом вашем положении, известите меня и я в любое время к вашим услугам.

Слава Аллаху, я никогда за покровительством не

обращался, хотя меня не раз к этому побуждали многие обстоятельства.

Я в 1-м Хоперском полку... Поход в Месопотамию, где под Керманшахом или Сях Дыханом приходим на ночлег после похода, длившегося около двух недель бесперывно. Сыро, дождь со снегом; кухни пришли поздно — обед будет не скоро. Лошади по полусотенно поставлены в караван-сарай.

Как то случайно казаки во дворе начали бой в кулачки и мою вторую полусотню первая загнала к лошадям. Я случайно увидел эту картину и меня увидели казаки — кричат о помощи. Все смеются и с любопытством смотрят, какое я приму решение. Не долго думая, сбрасываю с себя шапку, ввязываюсь в самую горячую свалку, вспоминая станицу и “Граньку Булавина”. “Враги” сначала не решаются, а потом освоились и “пудовые гири” посыпались и в “мой адрес”.

Но я уже вошел в раж, вспомнил почти забытый спорт и шел вперед уже по “трупам”; “моя гиря” оказалась значительно тяжелее многих других да и по росту я выделялся не только из среды своих казаков, но и “врагов”. Не один споткнулся на мою “ручку” боком, затылком, переносицей... В результате, победа полная и “враг” не только выбит из наших “владений”, но буквально закупорен в конюшне первой полусотни.

Всю эту картину видел мой командир сотни под’есаул В. М. Пегушин, а ему “донец” об этом хорунжий Несмашный и, хотя “победителей и не судят”, но эти “калеки казачьего духа” вздумали читать мне свои “нотации”, в ответ на которые я посоветовал им подать на меня рапорт по команде, а разговоры эти — “ни к чему”...

Через некоторое время вызывает меня войсковой старшина Г. А. Ларионов (ныне умерший, да будет благословенна память этого доброго казака).

Прихожу.

— Садитесь... Ну, рассказывайте, что вы там творите в сотне, говори он мне характерным стариковским с хрипотой голосом.

Делаю вид, что не понимаю, в чем дело, и прошу задавать вопросы...

— Да вот эта музыка, продолжает он. Мне рассказывали тут Пегушин и Несмашный...

О! теперь понимаю... И я рассказал, как наряду с “нижними чинами” я вел кулачный бой. Вижу, смеется Григорий Антонович, потом хохочет, потом поднимается, подходит ко мне, берет меня за голову и, целуя, приговаривает: Ай да и молодчина! Спасибо вам, родной! Это по нашему, по казачьему... И помните, когда дойдет до службы, то эта “саранча” скорее исполнит ваше приказание чем других... Спасибо еще

раз! (Жмет он мне руку). А из "этих" мы постараемся "российских" дураков повытряхнуть...

Прошел год... Отходим из Месопотамии... Поход длится недели две с арьергардными боями. Все время полк прикрывает отступление всего экспедиционного корпуса. Только вчера оставили Керманшах. Ведем вялую перестрелку с передовыми частями турок и курдов и только артиллерия как наша, так и турецкая развивают сильный огонь.

Получаю приказание "С получением сего"... оставить в двух-трех верстах позади себя дозор в три человека.

Подхожу к полку, стоящему "в поводу" в долине. Являюсь к командиру полка полковнику Н. М. Успенскому. Он как раз в это время диктует адъютанту донесение командиру корпуса следующего приблизительно содержания: Я — младший из командиров полков при двухнедельных арьергардных боях, к какому бы полку в число бригады меня не пристроили. Всюду бригадным является старший; само собою разумеется, что в несравненно худших условиях находится полк младшего командира полка, в данном случае мой. Люди и лошади изнурены до последней степени. Младших офицеров остался один, все переранены, убиты или по болезни вышли из строя. Полку необходима передышка, ибо дальше в таких условиях недоедания, переутомления и без сна (все время в соприкосновении, с противником) полк работать не в состоянии, чтобы принести пользу и т. д...

Адъютант пишет на колене и, после каждой фразы, спрашивает: Дальше?.. Есть... Есть. Дальше?

Все стоит вокруг понурыми. Вид у всех утомленный. В это время войсковой старшина Ларионов подымает голову и хрипавато говорит: А ты напиши им еще по поклону, мать их...

Звонким смехом ответил весь полк, стоявший кругом. Давно так не смеялись... Хохотал и сам командир полка, полк. Успенский что с ним бывало редко.

Ответ „оппозиции“

Уважаемый станичник редактор, хотя Вы и просите не беспокоить Вас перепиской, но я не могу... Прошу Вас дать место в номере от 10 апреля (хоть гденибудь в углу) редактируемого Вами журнала следующим моим строкам:

Под час задумываешься, как сильно идея, как возвышенны чувства патриотизма, как влечет нас к своему родному, ко всему казачьему; иногда до такой степени углубляешься в свои мысли, что даже забываешь об окружающей тебя действительности. И вот в такие "миражные" часы, полной казачьей грудью вдыхаешь в себя силу этой то самой близкой сердцу идеи, чтобы, подкрепившись ею, дожить до дней, когда свою жизнь придется, может быть, принести на алтарь своей отчизны Казакии.

И так много рождается в мыслях хорошего, счастливого... И не для себя, нет — меня нет, а для Нея, для этой милой, но далекой сейчас мечты — источника и спутника моей теперешней жизни. И путь Ее усыпаешь самыми драгоценными цветами, убираешь золотом Ее, лишь бы только она была прекрасна и любима... Подыскиваешь Ей уже и место для столицы, где либо подальше от русской границы, чтобы неуязвима она была. И имя ей находишь — "Слава", а в ней — Храм Славы, дворец Славы, проспект Славы... А попутно с этим свои казачьи деньги создаешь: "Каз" — "Ак", каз — крупная, ак — мелкая единицы, но наши собственные казачьи, а не русские — рубль копейка...

И дальше идешь, ведомый ею, нашею Идеей, к счастливой жизни своего народа... Но вот, возвращая тебя к действительности — стучат в дверь... Смотрю — от Ивана Даниловича Овсяника из Германи... "Продукт оппозиции"... И подумал я: вот она, действительность!..

Должен сказать, что никогда в жизни я не видел г. Билого и никогда с ним не имел дружеской пере-

Вдруг наш старик Ларионов, стяхнувшись по стариковски, кричит: А ну ка, трубачи, дуй чтонибудь; если хлеба нет... Чорт с ним, со штабом...

Эшелон за эшелонам идут войска домой. Идет Черноморский полк. Командиром пока полковник Ларионов. Немного чести теперь командиру полка; все офицеры под негласным арестом. В Армавире или на Ладужской "последнее пристанище"...

Казак Кривобоков, станичник Григория Антоновича, ожидает его, чтобы взять со станции Невинномысской домой. Не разрешают солдаты... Кривобоков знаками улаживает с Григорием Антоновичем и, выехав за станцию, ложится на гриву коня и полным ходом мчится вдоль железной дороги. Наконец, идет эшелонный поезд. Кривобоков видит старика и на подеме выхватывает его из вагона. На коня! — и был таков.

Тревога... стрельба... Но беглецы уже далеко в степи. Григорий Антонович спасен, чтобы через месяц-два быть снова арестованным уже в родной станице пришедшей красной бандой. Много погибло тогда баталпашицев, был казнен и сын Григория Антоновича, сотник Георгий Григорьевич, но старика спасли снова казаки, потому что он твердо помнил, что он казак и "калекой казачьего духа" никогда не был.

Большевицкая война... Григорий Антонович участвует в ней, но возраст, переживания и все невзгоды сделали свое дело. Он сдал. Конец всему...

Заграница. Югославия. И когда мне передали, что наши славные хоперцы: ген. П. Г. Бочаров, М. Я. Кос... и Григорий Антонович ходят в больших солдатских казенного образца ботинках, то, не скрою, у меня покатила слезная слеза. Ведь эти люди выросли и прожили всю жизнь в чувяках... А хоперцы чувяки носить умели...

Два первых, слава Аллаху, живы, а третий, да будет благословенна его память, умер на чужбине...

Слышал на Кубани, что, в борьбе за казачью долю, он был сподвижником Рябовола и Кулабухова и что и над ним зияла пасть петли врагов Казачества. Не знал я лично также и верхушки Братиславской "Казакии", знал только, что в составе ее преимущественно люди дипломированные. С их печатно-непосредственно также не был знаком, но мнения их не разделял. На страницах "ВК" не раз их порицал, как разлагающих наше единство, а казачья масса, в своем большинстве, указала руководителю журнала "ВК" Билому о недопущении ее, как таковой, на ВК с'езд.

Удар их главным образом направлен на Билого, который, в свою очередь, доказывал им и нам свою правоту. Иногда все же рождалось в голове: а может быть и Белый виноват, как редактор, но в чем? Перебрав, пересмотрев все, изданное им, вины я не находил. Так в чем же дело? Что им нужно? Где правда?

Начал читать полученное и чем дальше читал, тем больше болело сердце от той грязи, от той гнусной клеветы... Не вдержал, бросил читать... Думаю: вот если эту малулату прочтут чужие, они безусловно скажут: какая нездоровая ВК интеллигенция!.. Разве на такую интеллигенцию могут положиться подлинны наши друзья?

Как нам, массе, приходится краснеть за этих "инженеров-докторов"!

Собрался, читаю дальше. Дальше клевета гнусней. Вникаю в каждое слово, ищу беззаконий, ищу тех преступных деяний которые совершил Белый перед Вольным Казачеством, и не нахожу. Ни один из этих инженеров не доказал мне предательства Билым казачьих интересов. Дают мне много фактов, но факты эти "голые", выдуманные, просто — ложь.

И, как Богу угодно, в подтверждение высказанных мною слов нахожу на последней странице, последние две строки, взятые в две линии: редакция журнала

“Казакки” обращается к нам, вольным казакам, с просьбой, чтобы мы не распространяли “дальше себя”. Понятно, чтобы чужие не прочли и не узнали бы их гадкой клеветы на Билого и не осудили бы эту нездоровую “интеллигенцию”...

И если у меня до этого времени закрадывались иногда в душу сомнения в правоте Билого, то теперь они рассеялись...

...То Билый чекист... То Билый предательски хочет подвести если не все Казачество, то хоть Кубань под ноzi Украины... То Билый является убийцей генерала Старикова... Фу, мерзость! Эх вы, “интеллигенция”! Вам нужно было бы учиться у старика, как любить основу идеи нашего казачьего национального движения — при вашем наличии он не покинул Билого, а рука об руку с ним гордо нес казачье знамя свободы до самой своей смерти.

Вы хотите какою угодно свалить Билого, а для этого все средства у вас хороши. А потом? А потом захватить в свои руки власть и деньги... Вы их давали? Говорите: под наш кредит... А я вам говорю, что наша, еще несуществующая, кредитоспособность... зависит только от аттестации Билого.

О, какие вы властолюбцы и сребролюбцы!..

Вы сейчас, господа хорошие, окрылены перешедшими к вам с “авторитетом” двумя округами: Болгарским и Германским с их содержимым. Вы горды, но скажете “гоп”, когда выскочите. Читал постановления этих окружных правлений... Смеею полагать, что из этих округов не все уж так и бросились, очертя голову, к разрухе.

Заметно, что вы усиленно хотите пролезть на ВК с’езд, но при наличии на этом с’езде оппозиции, созидательной работы там не будет, а будет столпотворение вавилонское и получится из Круга мыльный пузырь, а нам, вольным казакам, горькое разочарование. Нет, уж лучше обойтись без вас, горячих... Да и самостийники вы недавние...

Вы за Билым, кроме грязи, ничего другого знать не хотите, но не забудьте, что другие знают и его заслуги перед ВК. Я не меньше вас впитал в себя дух казачьего патриотизма и говорю вам, как чувствую, что Билый и идея вольноказачьего движения за эти 7 лет так сильно срослись, что эту основу такими грязными лживыми средствами только ваять и разрушают.

Прежде его изберите, дайте ему помощников, дайте средства, дайте инструкции, и вот тогда, если он будет злоупотреблять нашим доверием, мы сможем заменить его, без всякого ущерба движению. Это будет честный путь и только с этой стороны нужно подходить к нему.

Вы заявляете, что без вас Большой Круг будет не полный и за Билым вы не пойдете, а я говорю вам: брешете, и без вас Круг будет полным и за Билым, (если его изберут) и его помощниками, отдохнув, и вы пойдете, если вам дорога идея, если вы настоящие казаки патриоты.

До боли обидно, что некоторые вольные казаки (конечно, оппозиционеры) уже отбрасывают журнал “ВК” (нашу гордость) только потому, что им руководит Билый.

О, Господи! Кто тебя родил, кто тебя вскормил, кто вселил в тебя сознание казачьей правоты? Через какой журнал ты познал себя казаком патриотом? Не через журнал ли “ВК”, под руководством того же Билого, а не Безуглова? А сколько этот журнал, под руководством того же Билого, выдержал похвалы, приветствий, отзывов и благодарностей из сердец наших казаков!..

Эх ты, блудный сын, сын опасный, ты плод настоящей оппозиции...

— И все это тебе, Билый, за то, что руководимый тобою Черный Всадник так гордо несет знамя казачьей свободы, грома врагов. Это тебе за то, что ты неутомимо из года в год искал нас, будил нас, собирал “до купи” нас и мы росли, росли и крепились сознанием долга и любви к своей светлой Отчизне... Сколько ты получил унижений, оскорблений... Сколько ты выдержал атак наших врагов, жаждущих нашей

смерти, и все же продолжал неуклонно стоять на страже ВК движения. Из этих частиц, крупинок этого продукта, собранного журналом “ВК”, под твоим руководством, ты варил пищу, а когда сварил и оказалась она доброй, аппетитной... теперь можешь уйти. Из уже готовой пищи стол сервировать могут и без тебя — другие. И уйди, не разговаривая, а то тебя уйдут...

Это тебе, Билый пощечина за пройденный путь. Получил?.. Утрись, брат!.. И жди очередную. Ибо наш девиз: за добро платит подлость...

Иван Данилович, спасибо вам за ваш бюллетень. Я понимаю, с какой целью вы прислали мне его, но ошиблись. Я не из двуличных казаков и не из тех, которые сюда-туда болтаются. Не на ту почву ваше семя попало. Здесь плодов не пожнете.

С почтением А. С. Тырин

П. С. Надеюсь, И. Д., мою последнюю к вам просьбу вы уважите и исключите меня из списков станицы, которую вы возглавляете, и мою доверенность, выданную вам на ВК с’езд, вернете.

А. Т.

31 марта 1935. Швеция.

В целях информации должен сообщить следующее:

В Германии г. Овсяник образовал округ из трех организаций, провел через с’езд этих организаций почти неограниченные для себя полномочия и предложил Парижскому Центру ВК сотрудничество без подчинения ему. Практически дело сводилось к тому, чтобы г. Овсяник, ничем себя не связывая, мог использовать в своих интересах страницы “В. К.”. Т. к. создание нескольких независимых друг от друга Центров никоим образом не может идти на пользу ВК дела, а ведет его только к развалу, то я сам отказался от всяких сношений с Германским округом и Берлинской станицей до тех пор, пока во главе их будет стоять г. Овсяник.

К настоящему времени Округ уже развалился, а Берлинская станица фактически тоже не может уже собрать станичного сбора больше, чем из 3 человек.

Округ в Болгарии, с того времени, как во главе его стал г. Кудинов, тоже формально Парижскому Центру не подчинялся и фактически все время был организацией самостоятельной. — Постановление о переходе Округа к “оппозиции” вынесено только окружным правлением. Сам округ еще своего последнего слова не сказал, но мне уже известно, что далеко не все вольные казаки в Болгарии разделяют увлечения своего окружного правления.

Беда наша в том, что уж очень много у нас всяких претендентов в возглавители. (Охотников на серьезную работу значительно меньше). В Германии хочет непременно быть возглавителем (и никак не меньше) г. Овсяник, в Чехословакии — г. Безуглов, в Болгарии — г. Кудинов (“ничьей над собой воли не допускаю”, писал он мне 24 января 1935 года). — Думаю все же, что вольные казаки скоро сами положат предел дроблению своих сил. Во всяком случае, должен заявить, что, по всем имеющимся у меня сведениям, подавляющее большинство вольных казаков не разделяет политики дробления ВК, нужной только нашим врагам.

Я глубоко убежден, что очень скоро вернутся к нам все те, кто был введен кем либо в заблуждение, а те, кто говорит о себе, что он вольный казак, а на самом деле думает по иному, или те, кто, не будучи вольными казаками раньше стали прямо и сразу в ряды оппозиции, — все те нам не нужны сейчас, не будут нужны и в будущем.

О возглавителях “оппозиции” я сказал уже в номере 170 (33) и добавлять к тому сейчас ничего не буду.

И. Билый

Казачья эмиграция

НА БОЛЬШОЙ КРУГ В. К.

Поступило: от Дижонской ВК станицы 100 франков; от Н. К. Боровлева 100 фр.; от инж. И. А. Маймулина 50 франков; от Н. Тарасенка 5 франков.

В Югославии: поступило: от д-ра Яковлева (Панчево) 30 динар; от атамана Калединского хутора в Чурге К. Я. Титова 60 динар.
Окружной казначей Н. Дмитренко.

В. К. ВО ФРАНЦИИ

В ОШЕ

17 марта с. г. в день годовщины организации в. к. имени Некрасова станицы в Оше была устроена чашка чая. Все вольные казаки собрались в этот день вместе. Открывая собрание, атаман станицы инж. А. Усатов в кратких словах доложил казакам о положении станицы и ее целях. Призывая казаков и в будущем так же крепко держаться избранного вольно-казачьего пути; всеми возможными средствами поддерживать ВК освободительное движение, чтобы поскорее осуществить программу создания независимого казачьего государства Казаки. В заключение казаки вставанием приветствовали вольно-казачьих вождей.

После обеда собрание возобновилось и атаман станицы представляет слово И. Т. Хрипушину, приехавшему из Тулузы, который делает сообщение на тему "Страна Казаков". И. Т. Хрипушин обращается к казакам и просит их, а особенно тех, которые еще не состоят в станице, внимательно выслушать сообщение Докладчика никто не прерывает и только временами слышно с места: "все точно, это правильно... Так было..."

Дав краткую сводку богатствам Казачьего Края, докладчик говорит, что вот поэтому Россия и не желает отделения Казачества и мы, казаки националисты, это хорошо знаем, но считаться с тем, что думают русские, не намерены. Знаем мы так же, что России нужны наши богатства, но нужны они и нам, а поэтому и нужно стремиться, нужно наперек все силы, чтобы наш Край, наши богатства принадлежали бы только нам, ибо все это было нажито нашими предками, полито их потом и кровью. Этого забывать не следует.

Атаман станицы Усатов, от имени станицы благодарит И. Т. Хрипушину за сообщение и, обращаясь к казакам, говорит: "Вы слышали только что, что прочитал станичник Хрипушин: какими богатствами мы обладали и на сколько миллионов рублей вывозилось разных продуктов из страны казаков и все эти миллионы шли не в казачью казну, а в российскую. Вы слышали о том, что Войско Донское целиком содержало себя и еще вносило в Российскую казну больше 12 миллионов рублей разных налогов. Мы, казаки, находясь в составе России, несли 20 летнюю службу на свой счет и на арчаке своего седла держали российский аппарат, от которого казакам было очень мало пользы. Мы видим, что самостоятели правы, так горячо отстаивая независимость Казачьего Края. Из сообщения станичника Хрипушина видно, что мы можем и должны существовать самостоятельно, наравне с другими народами. Для достижения же этого всем казакам следует крепко объединиться под знаменем В. К. крепко его держать и никогда не выпускать из своих рук.

Да здравствует Вольное Казачество. Да здравствуют казачьи патриоты, вожди и борцы за казачью независимость. Слава казакам, слава!

На общем годичном сборе Вольно-казачьей имени Некрасова станицы в Оше были произведены перевыборы станичного правления.

Большинством голосов были избраны следующие казаки: атаманом станицы Афанасий Е. Ильинов, по-

мошником Григорий Н. Ларионов, писарем Иван К. Тупица, казначеем Павел Я. Беззубов. В ревизионную комиссию: Козьма Л. Дьяченко и Владимир Ф. Малевич.
(Соб. кор.)

В ТУРКУАНЕ

16 февраля с. г. вольно-казачья станица имени Атамана Булавина в г. Туркуане устроила собрание, посвященное памяти умершего поэта-казака, певца казачьей воли, Б. А. Кундрюцкова.

Председательствовавший на собрании станичный атаман, сотник А. Г. Дронов, в своем слове охарактеризовал личность покойного и его заслуги перед национальным казачьим движением:

"Умер певец казачьей воли, баян седого Дона, но оставленные им труды будут ему нерукотворным памятником в сердцах и мыслях всего Казачества; они указывают нам правильность взятого нами пути в родную Казачию, полноправное место которой должно быть обеспечено наравне с другими народами. Мужайтесь, братья казаки! Поворота назад, на службу чужим интересам, которым Казачество, в силу сложившихся обстоятельств, служило на протяжении веков и за эту службу получило изгнание из родных куреней, — не может быть. Счастье нашей родины и Казачества зависит от нас самих. Тесно слившись во едино, под знаменами Вольного Казачества — на казачью дорогу, там есть тот залог победы, которая принесет счастье нашего освобождения и будущее благополучие нашей родины..."

После вступительного слова станичного атамана начался обмен мнений по поводу выборов Донского Атамана, в котором приняли участие все присутствовавшие казаки, высказавшие единогласно, что избранный Донской Атаман вольными казаками признан таковым не будет.

По окончании этих прений, слово предоставлено станичному писарю С. М. Антипову, который говорит: "Вольные казаки живут за рубежом своей родины не праздну. Живя в тяжелых условиях эмигрантской жизни, они энергично продолжают ковать счастье и свободу своего народа и ряды наши ширятся и крепнут. Все громче и громче раздается боевой клич, сзывающий Казачество отстоять свои вольные степи, родные станицы и хутора. Вы, удалые молодцы! Вспомните, когда мы восстали за Край наш родной, за наш порог и угол! В каких боях мы не бывали и не топтали нашей могучей лавой красные полки! Но судьбе было угодно подвергнуть нас великим испытаниям. Именно зло восторжествовало над правдой. Несмотря на наши громкие победы мы вынуждены были уступить силе неприятеля и уйти за рубеж своей земли, унося с собой гордое имя казака, нашу политическую идею и овеванные славой наши боевые знамена. Как кровожадный зверь ворвался красный враг в наши казачьи станицы и хутора, заливая потоками казачьей крови нашу землю, глумясь над беззащитным населением... Благодаря бездарности наших вождей и старших военачальников, лишились мы родных семей, лишились мы наших степных боевых коней и нету у нас теперь ни пик, ни шашек боевых... Но не застыла в наших жилах казачья кровь, не угас казачий дух и жажда воли. Вместо боевых пик и шашек вооружились пером разведчики и глашатаи казачьей воли. Отыскали они настоящий казачий шлях, усеянный могилами борцов за казачью волю, и понял Казачество, что путь, по которому шли они, и есть тот подлинный казачий шлях, который ведет Казачество к светлому будущему. Не наши бывшие Атаманы, служившие чуждому Казачеству интересам, дадут счастье казачьему народу. Счастье и освобождение нам могут принести только национально мыслящие казаки, став под знамя ВК, всецело ставшего на защиту казачьих интересов.

Ни муки и стоны наших братьев, томящихся в красном плену, ни страдания и слезы, находящиеся в

изгнании — ничто не повлияло на наших атаманов, продолжавших до конца служить чуждым Казачеству интересам, чем и помогают они гробокапателям углублять могилу, чтобы своими же руками столкнуть в нее Казачество. Но не быть этому. Сильно и крепко стало ВК. Близится час, когда оно выйдет победителем из упорной освободительной войны и построит свое самостоятельное государство — Казакию и вновь засияет над исстрадавшимся Казачеством светлое солнце свободы, лучами своими согреет раны его. Да здравствует Казакия и ВК!

Под'есаул А. А. Киселев (дон.) говорит: "Казачество верило своим атаманам, которые здесь, за границей, забыв свою присягу, изменили своему народу, вверившему им свою судьбу и путем различных политических комбинаций и подтасовок прилагали все свои усилия и попытки, чтобы склонить казаков на сторону Москвы, вести их туда, "где русский дух, где Русью пахнет". Своей политикой, своим непостоянством и своим влиянием они создали лишь "партийность" и брожение умов в среде рядового казачества которое стало морально и духовно устывать и постепенно терять свой настоящий облик. Но к счастью, не настало еще время погибнуть Казачеству, несмотря на все усилия и попытки его врагов. В самый разгар его морального упадка, когда враги уже потирали руки и ехидно улыбались, что вот, мол, их усилия, в конце концов увенчались успехом и казаки, очутившись на распутье, пойдут туда, куда им укажут и когда прикажут, — Казачество вдруг зашевелилось и ожило. Медленно, но верно стало оно выходить на свой казачий шлях — тот древний путь, по которому шли его предки, упорно борясь за казачью независимость и Волю. Громкий клич ВК пробудил национальное чувство казаков, проснулись они и на призыв ВК слетаются орлы со всех концов земли под сень знамен, готовясь к тому моменту, когда раздастся боевой клич "вперед", чтобы еще раз испытать силу в борьбе с врагом и или лечь костями, неувидев родных очагов, или вновь быть в родных курах..."

ВК, поняв чаяния и желания казачьего народа, стало всецело на защиту его интересов. Оно ведет борьбу со всеми, кто угрожает Казачеству, пробуждает самосознание казаков и освещает им путь в борьбе за освобождение и независимость. Великая честь борцам за Волю! Да здравствует Казакия! Слава Казачеству!

Станичник И. А. Лаштабега (куб.) говорит: "Братья казаки! Я хочу привести вам несколько примеров, из которых сами вы увидите, как нас, казаков, ненавидят русские люди и в то же время глядят нас по головке и призывают идти с ними вместе освобождать великую Россию. Возьмем первый пример: Казачество потеряло двух своих вождей еще на своей родине и русские люди радовались, что им удалось убрать с дороги тех, кто вопреки их желаниям шел прямо и открыто, не боясь смерти, за свободу Казачества. На чужбине мы лишились еще одного патриота — М. Ф. Фролова, а потом еще и других. Недавно ушел от нас ген. Стариков. Вот по случаю его смерти я и хочу подчеркнуть, как русские люди "любят" нас..."

Скажите, братья казаки, было ли что сказано в зарубежной русской прессе о кончине ген. Старикова? Нет. А о смерти русских генералов и нижних чинов они всегда оповещают. Кроме того, что оповещают о смерти, но и подробно описывают причину смерти, где кто получил образование и где проходил военную службу, а так же и подвиги умершего. А казак, ген. Стариков, что же, поваром был, что ли, и учился кухонному делу, за что и получил чин генерала?... Я говорю, что нас, вольных казаков, русские ненавидят больше, чем коммунистов, и в подтверждение этого приведу вам пример:

Сколько расстреляли и продолжают расстреливать большевики казаков? Мне кажется, что вам всем известно, сколько казаков выслали они на Соловки и в отдаленные северные и сибирские губернии. Сколько умерло казаков от голода и холода по дороге следования к месту ссылки? Сколько умерло и умирает казаков от насилия и разбоя в наших родных станицах и

хуторах? И что же, сожалеют ли русские об этом уничтожении казаков? Выражают ли свое соболезнование? Нет. Русские газеты не пишут, что делается в казачьих станицах. Русские эмигрантские верхи не выступают в зарубежной печати в защиту казачьего населения, столько принесшего в прошлом жертв на алтаре русских монархов и "Единой Неделимой". Из этого, братья казаки, становится ясным, что русским эмигрантам все равно, что их красные соотечественники уничтожают Казачество, ведь это — "мало покорный элемент". И так, братья казаки, из выше приведенных примеров можно вывести определенный и ясный вывод, что какая бы власть не восстановилась в России, все равно Казачество будет уничтожаться...

Братья вольные казаки! Настало время перестать верить всякой лести и посулам тех, кто старается увлечь нас вновь освобождать "единую неделимую". Наш путь один: борьба до победного конца за свободу Казачества. Каждый казак, ставший под знамя ВК, не должен терять веры в правоту своего дела. Каждый казак должен повторять каждодневно и ежечасно, что благополучие Казачества будет только тогда, когда оно добьется свободы и независимости. Высокий национальный дух, твердая вера и любовь к своей отчизне облегчат нам путь к освобождению Казачества, его независимости и будущему благополучию.

Каждый раз, как злая судьба уносит от нас кого либо из наших вождей, наносит чувствительный удар всему Казачеству, враги наши радуются, думая, что казаки, теряя своих вождей, останутся на распутье, а казаков без их "головы" не так уж трудно будет завербовать в поход для освобождения "матушки Москвы". Но какие бы удары нам не наносила судьба, мы должны еще с большей энергией, еще с более крепким духом и верою в свою правоту, еще теснее стать плечо к плечу вокруг ВК знамени и сообща работать на наше общее благо в будущем. Мы, вольные казаки, не должны ни на минуту прекращать работу, начатую нашими вождями.

Всем нашим вождям, павшим на поле чести за Казачество, скажем: царство небесное и пропоем им вечную память, а за их работу да сотворим им в наших сердцах вечный памятник. Вождям же здравствующим и неутомимо продолжающим работу на благо Казачества, будем просить у Господа Бога даровать им силу довести начатое дело освобождения до конца, а обездоленное и исстрадавшееся Казачество собрать в освобожденных родных станицах и хуторах, чтобы уже на родной нашей казачьей земле в память нашего освобождения и возрождения мы могли бы воздвигнуть памятник Славы, водрузив на нем национальный флаг Казакии!

Вечная память от нас ушедшим!

Многая лета нашим вождям и борцам за казачью волю!

Да здравствует Вольное Казачество!

Да здравствует Казакия!"

В. Богданов

2 апреля 1935 г. Лилль. Франция.

В. К. В ГЕРМАНИИ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемый г-н редактор!

Не откажите в любезности поместить в очередном номере журнала следующее мое заявление.

Мною и моим сыном подано еще в начале февраля с. г. в Правление Общеказачьей Национальной Станицы в Берлине следующее заявление:

В Правление Общеказачьей Национальной Станицы в Берлине.

Заявление:

Прошу Правление с момента получения настоящего заявления считать меня вышедшим из состава действительных членов Станицы.

Обязательный по уставу (§ П, п. 2) срок шестинедель выбытия после подачи заявления, по моральным

и юридическим основаниям, считаю для себя не обязательным.

Заявления были подписаны мною и моим сыном Орестом.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении. Представитель журнала "В. К." в Германии:

Г. А. Козловский

В ГАННОВЕРЕ

7-го сего апреля в Ганновере состоялся годичный сбор ВК хутора имени Атамана Ермака, на котором старое правление отчиталось за прошлый год и произведены выборы на следующий год. На этом же сборе обсуждался и вопрос об отношении к деятельности "окружного атамана" г. Овсяника. Сбор постановил:

1. Отчет хуторского правления и казначея принять к сведению.

2. Хутор свой преобразовать в станицу Атамана Ермака.

3. Считать себя совершенно свободным от влияния Берлинского "округа", не иметь с ним ничего общего и иметь впредь сношения непосредственно и исключительно с Центром ВК в Париже.

4. Избранными на следующий год оказались: станичным атаманом — хорунжий П. Лосев, помощниками его — И. Буянов и П. Чипликов, а казначеем — Т. Лозин.

Станичный атаман: хор **П. Лосев**.
Помощники: **И. Буянов, П. Чипликов**
Казначей: **Т. Лозин**.

В. К. В АМЕРИКЕ

ОТКАЗ ОТ "ОППОЗИЦИОНЕРОВ"

Инж. **М. Черныш** в письме своем к редактору "В. К." (от 28 марта с. г.) пишет:

... "Сообщаю, что о газете "Единство и Независимость" я узнал только тогда, когда я ее получил: согласия быть ее представителем никому не давал и никто мне этого даже не предлагал. Считаю себя сотрудником "ВК" и впредь..."

Мих. Черныш".

В. К. В ЮГОСЛАВИИ

ОБРАЗЦЫ КАЗАЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА НА ЧУЖБИНЕ

В окрестностях гор. Смедерево самым старым и единственным опытным пчеловодом считается казак ст-цы Бесстрашной Федор Иванович Кишкинов.

Сам лично сделав более десяти больших ульев; Ф. И. Кишкинов с любовью отдается этому делу и в не-

Станичник Кишкинов на своей пасеке

В. К. В ПОЛЬШЕ

† МИРОН ЮРЬЕВ

25 января с. г. в Беловеже (Польша) умер атаман Донской станицы Мирон Иванович Юрьев, казак Чертковской станицы, первого Донского округа. Покойному было всего 35 лет.

После смерти станичника Юрова осталась жена (полька) и сын Вячеслав, которого она обещает воспитать как казака, чтобы и он, как его отец (как пишет жена), любил только свою казачью родину.

Еще один казак националист ушел от нас в молодом веке, не дожидавшись часа освобождения родной Казачьей Земли. Мир праху твоему, родной станичник!

А оставшейся супруге твоей желаем сил перенести постигшее ее тяжелое горе и никогда не забывать своего обещания:

... "я, его жена, хотя по крови и полька, постараюсь воспитать своего сына в духе той же идеи, какую исповедывал и мой муж. Анна Юрьева"...

продолжительное время прекрасно изучил пчеловодство, сделавшее не только образцовым, но и известным далеко в пределах Королевства.

В 1934 г. с 26-9 по 3-10 здесь была всеславянская выставка меда, на которую Ф. И. был приглашен местным обществом пчеловодов, в результате чего получил диплом и 300 динар, как награду за образцовое производство меда. Теперь дипломированный пчеловод, помимо своей работы на фабрике вагонов, где он считается в числе лучших столярных мастеров, ведет к дальнейшему усовершенствованию свое пчеловодство. Приятно и отраднo было читать нам в местных газетах об успехах казака-националиста, члена Смедеревской вольно-казачьей станицы.

Дай Бог в скором времени станичнику Кишкинову увеличить и привести к желаемому совершенству свое серьезное и полезное дело на берегах родной Кубани в Казакии.

Иван С. Кошкодаев

ПОПРАВКА

В прошлом номере журнала, на стр 23, левая колонка, напечатано: В. Ф. Прихлебовым и М. Г. Прихлебовой. Следует читать: В. Ф. Трихлебовым и М. Г. Трихлебовой.

Ред.

Думы и мысли

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛИТИКЕ

Интересно, какую политику проводит теперь ген. Деникин. Кричит в настоящее время из Парижа и бонитса, как бы японцы не ударили на большевиков на Дальнем Востоке... Когда-то он бросил нас на произвол судьбы, а сам сел на английский миноносец...

Не ему сейчас в патриотизм играть.

Было недавно собрание, посвященное памяти казачьих Атаманов и героев Казачества. Выступали представители от разных организаций. От Кубанской станицы в Париже высупал есаул Птушенко. И что же он сказал о наших вождах и героях? Например, о казачьем патриоте Н. С. Рябоволе говорил, что убил его фанатик. Прямо стыдно слушать. Не стерпел я и спросил потом есаула Птушенко, почему он не сказал правды. На это Птушенко ответил, что это неудобно, т. к. "здесь сидит ген. Деникин". Спрашиваю дальше, почему он, Птушенко, ничего не сказал о смерти Кулабухова и получаю ответ, что "об этом нельзя говорить здесь"...

Вот я и спрашиваю: почему мы, казаки, будем молчать и дальше перед русскими палачами? Ведь по приказу Деникина повесили Кулабухова, а кто же может поручиться, что убили Рябовола не по его приказу?

Гонимые своими же русскими, русские генералы и помещики пришли к нам на Тихий Дон, на Вольную Кубань и когда казаки, восставшие поголовно, отогнали подалежье большевиков и старались устроить прочно свое положение, то ген. Деникин приказал своему чекисту Покровскому расправиться с кубанскими патриотами.

Если мы, казаки, будем считать себя только казаками, то мы не позволим русским вешать своих казаков... Ведь те, кто вешал казаков все класс отборный... Они еще недавно продавали крестьян, как быдло вывозили их на рынок. Чего можно нам, казакам, ждать от них и их политики?

Нет, братья казаки, о себе нам нужно думать самим. Нужно, чтобы казаки имели своего вождя, вождя национального тогда мы скорее будем на своей Родине. Нам, казакам, некого бояться: ни русских князей, ни баронов, ни графов, ни генералов. Только мы сами должны о себе думать.

Вот недавно был сбор Кубанской станицы; там атаман станицы объявил, что какая то контра предлагает работу, но только туда нужно послать интеллигентных казаков, т. к. с простыми там не будут говорить. Вот вам, братья казаки, пример. А тот, к кому нужно было идти, как раз было лицо, которое еще недавно чуть ли не босяковало, бегало по разным комитетам, а теперь имеет место, так уже и не может разговаривать с простым казаком.

Пятнадцать лет тянется наше изгнание, а нам все мало разных примеров, когда казаком помыкают. Кто спасет нас от горькой доли изгнания? — Только казачье национальное движение, только Вольное Казачество.

Вернусь еще к собранию, посвященному памяти вождей и героев Казачества. Н. Н. Мельников в своем слове говорил о ген. Богаевском и очень долго расска-

зывал о том, как он вывез институток из Ростова... Я же думаю, что тогда было страшное, тяжелое время и нужно было думать прежде всего о том, как сохранить казачью армию, сохранить казаков, сохранить свои цветущие Края. Тогда не нужно было бы и институток вывозить. Не сказал Мельников о том, что Богаевский бросил донцов на произвол судьбы и они, голодные, отступали на берег Черного моря... Вот об их спасении не подумал Атаман...

А как донцы были присмотрены, когда пришли в Сочи? А вот как. В светлый праздник св. Пасхи я вышел к морю и картина, которую я увидел, меня прямо поразила. Донцы лежали на песку на берегу моря. Подхожу, спрашиваю: ну как, станичники? Плохо, говорят, вот голые и босые, совсем оборвались, а тут еще голод мучит.

— Где же наш Атаман? спрашиваю их.

— Э... э... браток, отвечают, Атаману до нас дела нету, мы нужны были всем им тогда, когда Дон защищали, а они не сумели готового удержать, то теперь и о нас не беспокоятся...

Мне на Черноморском побережья по роду службы пришлось хотя в относительно христианских условиях встретить светлый парзdnик Пасхи, но когда я, разговевшись, пришел к себе на квартиру, то на душе было тяжело. В окно видны были массы голодных, лежавших на берегу. Душевная тяжесть усилилась еще и тем, что ко мне зашел казачий полковник П. и я узнал, что он не только не разговлялся, а даже не ел несколько дней. Приложил все усилия и покормил его по пасхальному, а он, наевшись, просто расплакался, благодаря меня и тут же сказал, что никто теперь не протягивает руку помощи казаку.

Вот, братья казак, нам нужно теперь найти друзей и союзников (только уже не таких как ген. Деникин), нужно объединиться всем и стать казачьим народом.

Не нужно обращать внимания на так называемых казаков младороссов, ибо они не о казачьем деле думают, а о молодой России. Пусть не смущает казаков и то, что Казем-Бек берется решать судьбу России и Казачества.

Сначала спросить нужно этого "вождя", кто он такой и какой он национальности!... Стыдно казакам младороссам. Кто ваш "вождь" и кто ваш "царь". Не русские они оба, а "царица" едва говорит по русски, а собираются решать вместе с русской и казачью судьбу.

Казаки не допустят этих интернационалистов вмешиваться в свои дела, а особенно, конечно, вольные казаки не должны допустить до этого, т. к. Казачество есть народ который сам должен решать свою судьбу. Да здравствует Вольное Казачество!

Казак станицы Бесленевской, Майкопского отдела П. А. Золотухин.

РОЗЫСК

Дмитрия Ив. Братчикова и Игната Ив. Красносельского находящихся во Франции, прошу откликнуться по адресу: Иван М. Алексеенко, село Бегеч з. п. Старофрутог. Югославия.

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: М. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)